А 266/115

Путешествіе
по Дагестану
осенью 1893 года
Великаго князя
Георгія Александровича

74

А
115
26..

Путешествие по Дагестану Великаго Князя Георгія Александровича

Письмо 1е.

Хитрую задачу задалъ ты мнѣ, любезный другъ, предложивъ описать путешествіе по Дагестану Великаго Князя. Во-первыхъ, мнѣ просто не по плечу описаніе тѣхъ изумительныхъ по разнообразію чудесъ природы, которые довелось увидѣть: профанъ въ геологіи, ботаникѣ и зоологіи, менѣе всего человѣкъ науки, я на все смотрѣлъ скорѣе глазами сердца и души, нежели окомъ пытливаго наблюдателя природы. Поэтому я легко поражался и вывезъ изъ нашей поѣздки по Кавказу лишь извѣстную сумму поразительныхъ впечатлѣній, разобраться въ которыхъ мнѣ и досель весьма трудно. Во-вторыхъ, выработавшаяся за послѣднее время, благодаря роду моей дѣятельности, привычка присматриваться къ новымъ людямъ, которыхъ встрѣчаешь, дала возможность сдѣлать кое-какія наблюденія надъ тѣми лицами, съ которыми наша поѣздка поставила насъ въ соприкосновеніе; передавая эти наблюденія, какъ разъ сболтну лишнее. Помнишь, въ чьи руки попало письмо Хлестакова къ Тряпичкину, въ которомъ онъ

Румянцов...

расписывалъ Сквозника-Дмухановскаго и прочую братію? Хотя я не Хлестаковъ и люди, съ которыми мы встрѣчались, не Сквозники-Дмухановскіе, все-таки хочется знать, въ чьи руки попадетъ мое писаніе, такъ какъ порою у меня длиненъ языкъ и этотъ порокъ свой сознаю отлично. Впрочемъ, надѣюсь на твою скромность и если письма эти ты прибережешь для себя одного, когда-нибудь перечитаемъ ихъ вмѣстѣ и возобновимъ въ памяти пережитое за время полныхъ интереса странствованій нашихъ по Дагестану осенью 1893 года.

Осеннее пребываніе въ лагерѣ на Кодіанѣ — по боку: рѣшено ѣхать въ Дагестанъ. Не мало удовольствій сулитъ такая перемѣна, не смотря на предвкушаемую спартанскую обстановку путешествія. Каждый путешественникъ долженъ брать съ собою лишь строго необходимое, гласитъ распоряженіе, ибо полагается на душу клади лишь одинъ вьюкъ, одна половина котораго походная (и прескверная, кстати сказать) кровать, другая — небольшой ящикъ для бѣлья, въ который можно, въ случаѣ крайности, напихать послѣдняго съ приблизительнымъ разсчетомъ на одну недѣлю. „А верхнее платье, обувь, наконецъ разные

вещи, съ которыми разстаться труд-
но?!" — „Пустяки и баловство, снова гласитъ распоряженіе: пріемовъ не будетъ, и Великій Князь разрѣшилъ сюртуковъ не брать". - Экипажи и лошади разсчитаны строго подъ публику и багажъ и ни одного лишняго чемодана и туда клади взять съ собою нельзя. Мы всѣ смирились, но не смирились тѣ, на которыхъ, въ силу ихъ обязанностей, возлагалось наше пропитаніе и вообще непосредственный уходъ за „особами".-

Однако прежде описанія всѣхъ подготовительныхъ трудовъ и перечисленія нѣкоторыхъ распоряженій, предшествовавшихъ отъѣзду, необходимо, хотя вкратцѣ, упомянуть о спутникахъ Его Высочества, и это тѣмъ болѣе, что въ предѣлахъ одной области начальствующее въ оной лицо, произнося застольныя здравицы за Великаго Князя, присовокупляло пожеланіе счастливаго пути „и спутникамъ", сваливая эту братію, за исключеніемъ одного, въ общую корзину.

Сопутствовали Великому Князю пять морскихъ офицеровъ: Азбелевъ, Виренъ, Мышковъ, Трахтенбергъ и Хельстремъ, врачъ Давыдовъ, Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ Графъ

Олсуфьевъ и Бирсъ.

По роду занятій, частью постоянныхъ, частью вызванныхъ потребностями путешествія, здѣсь были: адъютантъ по принятію прошеній, гофмаршалъ, фотографъ, джигитъ, дипломатъ, эскулапъ и еще одно должностное лицо съ офиціальными аттрибутами, трудно опредѣлимыми; лицамъ, имѣвшимъ съ нимъ дѣло, мерещился порою, въ неясныхъ очертаніяхъ, возсѣдавшій на главѣ почтеннаго сановника бретонскій чепчикъ.

Затѣмъ шла фаланга прислуги: два „перекидныхъ" повара (терминъ своеобразный но, какъ впослѣдствіи выяснится, совершенно точный), камердинеровъ, казаки всякіе — офицерскіе, кухонные, и конвойные и.... Фери, старая собака изъ породы бультеріоровъ, принадлежащая Гр. Олсуфьеву. Эта почтенная псица, страшно привязанная къ своему хозяину, не могла быть оставлена въ Абасъ-Тумане, гдѣ-бы она отъ тоски непремѣнно „сдохла", по выраженію Федора, камердинера О. Ее тащили помирать на Мамисонскій перевалъ. Страдая всякими катаррами, Фери постоянно носила съ собою собственную атмосферу; оно и немудрено:

ее кормили дважды въ день котлетами — соусъ-пиканъ, рокфоромъ, абрикосовскимъ мармеладомъ и поили чернымъ кофе въ прикуску; давали и коньякъ, но не внутрь, а въ растираніяхъ ея мертвѣющихъ порою членовъ. - Ей пророчили преждевременную кончину въ дебряхъ Дагестана, но она пережила все, всякіе переходы и перевалы и благополучно вернулась въ Абасъ-Туманъ, гдѣ благоденствуетъ и по сейчасъ, проявляя лишь послѣднюю степень размягченія въ усиліяхъ зарыть носомъ на паркетномъ полу кусокъ брошеннаго ей сухарика.

Продолжаю описаніе приготовленій къ отъѣзду. Предполагалось взять съ собою поклажи какъ можно меньше; но повара и буфетная часть повели на распорядителей такую атаку, что пришлось имъ уступить, включивъ въ расписаніе поѣзда чуть не двѣ особыя платформы подъ кухни съ посудою и закускою. Но сокращать все-таки нужно было изъ принципа.... сократили: въ буфетной части 1 коробку съ сардинками, 1 банку съ бѣлыми грибами, а въ багажѣ „спутниковъ" 5 паръ французскихъ inexprimables.

О распоряженіяхъ по части передвиженія распространяться не буду: они выразились въ точномъ маршрутѣ, выработанномъ по приказанію Главноначальствующаго Краемъ, послѣ цѣлаго ряда совѣщаній, бывшихъ въ теченіи всего лѣта. Маршрутъ этотъ приложенъ въ концѣ настоящаго письма.

Оставалось ликвидировать крупное дѣло — обязанности по отношенію къ Абастуманскому обществу — и въ этомъ занятіи протекли послѣдніе дни пребыванія въ Абастуманѣ. Обѣды, завтраки и ужины въ гостяхъ слѣдовали одинъ за другимъ, танцовали до глубокой ночи даже наканунѣ дня отъѣзда. Гостепріимное Абастуманское общество хотѣло даже въ день отъѣзда устроить Великому Князю прощальный утренній чай, приблизительно часовъ въ шесть, но путешественники возстали: въ утро отъѣзда не до чаю въ общество, когда норовишь скласть пожитки поскорѣе, да вовремя вскарабкаться въ экипажъ, или на лошадь.

Наступило утро 2го Сентября. Отъѣздъ былъ назначенъ въ 8 часовъ утра, но уже съ половины

веселаго всѣ путешественники были въ сборѣ и подожидали у воротъ дворца выхода Великаго Князя. Въ 8 час. съ небольшимъ Его Высочество вышелъ изъ дворца и, поздоровавшись съ присутствовавшими, сѣлъ на подведеннаго Ему коня. Поѣздъ тотчасъ-же тронулся. Впереди ѣхали три казака Хоперскаго полка со значкомъ, затѣмъ Великій Князь, окруженный многочисленною кавалькадою, и въ концѣ вытянулись экипажи. Порядокъ этотъ впрочемъ нѣсколько нарушился впослѣдствіи, такъ какъ нѣкоторые всадники отстали, а нѣкоторые экипажи, пользуясь ровною мѣстностію, проѣхали впередъ.

Было свѣжо; солнышко рѣдко проглядывало изъ-за двигавшихся тучъ, но дождя не было и не предвидѣлось. Но вотъ, за дачею Азбелева, выстроившійся на краю дороги хоръ музыкантовъ Хоперскаго полка грянулъ напутственный маршъ и весь поѣздъ пустился рысью. Вотъ и мостъ, откуда сворачиваютъ въ сторону по направленію къ Воротамъ Очарованія; намъ-же лежитъ путь направо отъ него и, проѣхавъ саженей сто,

мы начали подвигаться на Зекаръ, но уже шагомъ. Образовались отдѣльныя группы всадниковъ, экипажи отдѣлились другъ отъ друга и поѣздъ растянулся почти на версту, медленно передвигаясь по зигзагамъ ведущей къ перевалу дороги. Мы съ О. поотстали, слушая разсказы сопровождавшаго насъ лишь до перевала полковника М., съ большимъ возбужденіемъ и въ самыхъ мрачныхъ краскахъ описывавшаго свои отношенія къ непосредственному начальнику. Выслушивая подобныя повѣствованія обыкновенно не знаешь, къ какому придти заключенію: дивится-ли тому какъ иныхъ людей земля держитъ, или-же прямо скостишь девять десятыхъ разсказа, отнеся ихъ на долю увлеченій разсказчика?

Между тѣмъ мы поднимались все выше, воздухъ становился холоднѣе и, не доѣзжая двухъ верстъ до пункта перевала, мы очутились окутанными въ густое облако. Мы поѣхали рысью въ надеждѣ поскорѣе выбраться изъ него, но надежда не оправдалась: на самой вершинѣ перевала также все покрыто туманомъ, видны лишь не-

ясные фигуры какихъ-то всадниковъ, оказавшiеся выѣхавшими на встрѣчу чинами лѣсного вѣдомства и полицейскаго управленiя Кутаисской губернiи, въ предѣлы которой мы вступали. Досадуя на то, что не удалось полюбоваться чуднымъ видомъ главной цѣпи Кавказскаго хребта и развертывающейся внизу долины рѣчки Кермавешки, мы думали лишь о томъ, какъ-бы поскорѣе добраться до шатра, устроеннаго верстахъ въ двухъ ниже перевала, гдѣ насъ ожидалъ холодный завтракъ. Голодъ давалъ себя чувствовать, — пробирала легкая дрожь и фигура Мирона(*) въ полосатомъ бешметѣ, подающаго водку и закуску, прiятно рисовалась въ воображенiи. Вотъ и навѣсъ, изукрашенный гирляндами осеннихъ цвѣтовъ и листьевъ; вокругъ него суетится прислуга, вынимая провизiю изъ ящиковъ, прибывшихъ лишь незадолго до насъ. Полная суетня: нужно было позавтракать на скорую руку

(*) Мундшенкъ на службѣ Великаго Князя, вѣдающiй походные трапезы, съ вѣчно улыбающейся физiономiей.

и безъ задержки трогаться дальше въ путь, такъ какъ предстояло въ этотъ день проѣхать еще около 20 верстъ верхомъ и болѣе 50-ти экипажемъ, съ разсчетомъ быть въ Кутаисѣ часамъ къ 8–9 вечера. Туманъ настраивалъ общество на минорный ладъ и всѣ молчаливо и спѣшно приступили къ завтраку, но какъ разъ въ эту минуту природа сжалилась надъ нами. Почувствовался рѣзкій порывъ вѣтра, за нимъ другой, третій — и черезъ пять минутъ солнце ярко освѣтило всю мѣстность. Всѣ оживились, пошли громкіе разговоры, посыпались пожеланія и тосты, а вскорѣ за тѣмъ пришлось и разставаться съ тѣми, кто насъ провожалъ. За нѣсколько минутъ до нашего отъѣзда всѣ присутствовавшіе были приглашены собраться въ кучу (всѣхъ оказалось около 50 человѣкъ), появился нашъ фотографъ съ треножникомъ и въ одно мгновеніе все общество было увѣковѣчено для потомства.

Мы въ Кутаисской губерніи. Дорога частыми и крутыми зигзагами опускается къ руслу рѣки Кершавети среди густыхъ лѣсныхъ насажденій;

зелёнъ ещё въ полномъ блескѣ и глазъ съ наслажденіемъ покоится на развертывающемся передъ нами морѣ растительности. У самого края дороги попадаются кущи темнозеленыхъ кустовъ рододендрона, величественные экземпляры бука, ели, а внизу, въ траве, ярко выделяются гигантскіе листья лопуха. Чѣмъ ниже мы спускаемся, тѣмъ гуще своды зелени надъ головами, и последніе верстъ 8 до Кершавета мы ѣхали подъ сплошнымъ почти навѣсомъ растущихъ вдоль дороги деревьевъ. Становится жарко: мы спустились около 4^хъ тысячъ футовъ и, не будь зелени, солнце насъ припекало-бы порядочно. Но вотъ и Кершавета. Это старый домикъ, называемый инженернымъ, въ которомъ живетъ пожилая вдова одного солдата, погибшаго когда-то отъ руки разбойника, и дающая въ обычное время пріютъ путешественникамъ, ѣдущимъ изъ Кутаиса въ Абастуманъ, или обратно. Сегодня ее полуразвалившееся жилище неузнаваемо: всюду снаружи, вдоль крыши и дверей гирлянды зелени, а единственная комната, довольно,

строемъ, одинарное, разукра-
шена коврами: вдоль одной стѣ-
нѣ устроенъ длинный столъ
и все приготовлено для чая, на
который весь мы набросились,
чувствуя порядочную жажду,
благодаря температурѣ, а, глав-
ное, усиленной тряскѣ верхомъ.
Въ Кертмавелахъ Великаго Князя
встрѣтилъ Начальникъ губерніи
Генералъ Шаликовъ, который съ
этой минуты сопровождалъ
нашъ поѣздъ до Мамисонскаго
перевала, границы ввѣреннаго
ему края. Кромѣ Начальника гу-
берніи, здѣсь оказались Управляю-
щій государственными имуще-
ствами Бамрекеловъ, выѣхавшій
съ нами изъ Абастумана, и
встрѣтившій насъ на пере-
валѣ Кн. М. Д., занимающій
должность на подобіе должности
уѣзднаго начальника, но собствен-
но приставленный къ дѣлу пре-
слѣдованія въ губерніи разбой-
ничества. Бравый лейбъ-казакъ,
кн. М. Д., своими разсказами
изъ бытоваго прошлаго Имеретіи
и Мингреліи, порою сомнитель-
ной исторической вѣрности, и
своимъ неподдѣльнымъ весельемъ,
много оживлялъ наше обще-
ство.

Въ Кертмавелахъ отпущены

верховые лошади и Абастуманскій конвой Великаго Князя и, пересѣвъ въ заранѣе заготовленныя коляски, мы тронулись въ 3½ часа пополудни въ дальнѣйшій путь. Жара спала и бойкія четверки мелкихъ горныхъ лошадокъ быстрою рысью потащили наши экипажи. Долина расширялась все болѣе и болѣе и мы спустились къ самой рѣчкѣ, которую приходилось часто переѣзжать, пока мы не перебрались уже окончательно на правый ея берегъ. Поѣхали еще тише. Кстати нѣсколько словъ объ ѣздѣ на Кавказѣ.

Въ большинствѣ случаевъ лошади порядочныя, коляски-фаэтоны, какъ ихъ здѣсь называютъ, — довольно крѣпкія; уповая на ихъ крѣпость, а еще болѣе на ямщиковъ, здѣсь ѣздятъ быстро, не взирая ни на уклоны, ни на узкость пути и крутые повороты и на систематическое отсутствіе парапетовъ. О томъ, что я и нѣкоторые изъ моего спутниковъ испытали впослѣдствіи, на Мамиссонскомъ перевалѣ и въ Дагестанѣ — рѣчь впереди, но уже и теперь, не-

сесъ внизъ по дорожкѣ, далеко не стол-бовой, я предвкушалъ грядущее и чувствовалъ, какъ мракъ прокрадывался въ мою душу, которая, съ своей стороны, постоянно прорывалась въ мечты.

Рѣка опять ушла внизъ; мы ѣдемъ въ поляхъ и уже не слышимъ ея шума. На противоположной сторонѣ видны уже кукурузныя поля, луга, стелющіеся по склону горъ, поселки; мы промелькнули мимо селенья Зикари, гдѣ кучка поселянъ, въ ожиданіи проѣзда Великаго Князя, расположилась поблизости къ дорогѣ въ живописной группѣ, въ центрѣ которой на развалинахъ красовался убитый медвѣдь. Но вотъ и послѣдній мостъ черезъ рѣку; круто повернувъ направо, дорога ввела насъ въ открытую мѣстность и невдалекѣ показались первыя строенія большого села Багдата. Въ войну 1768–74 года, когда русскіе впервые начали дѣйствовать противъ турокъ изъ Закавказья, отрядъ Тотлебена, предварительно штурмованія и взятія Кутаиса (1770 г.) долженъ былъ овладѣть расположенными вокругъ этого

города укрѣпленными мѣстами, въ томъ числѣ и Багдатомъ, что и было исполнено въ Іюлѣ мѣсяцѣ, а 6го Августа палъ и Кутаисъ. Въ настоящее время Багдатъ очень большое, но неприглядное селенье, вытянувшееся въ одну линію вдоль дороги, ничѣмъ особеннымъ не отличающееся.

Въ Багдатѣ мы простояли минутъ двадцать, чтобы дать вздохнуть лошадямъ. Въ серединѣ села красовался павильонъ изъ зелени и стояла густая толпа народа. Не зная въ чемъ дѣло, Великій Князь приказалъ остановиться подальше отъ этого сборища; власти порядочно отъ насъ поотстали и справиться было не у кого. Оказалось, что населеніе желало поднести Великому Князю хлѣбъ-соль. Подъѣхавшее черезъ четверть часа начальство, скорбя о неудавшейся встрѣчѣ, обвиняло кучера Его Высочества, Амо, не остановившагося у павильона, какъ ему о томъ будто-бы было заявлено въ Кермаветахъ. Уязвленный Амо, призывая всѣхъ угодниковъ въ свидѣтели, утверждалъ,

что ему никто ничего по этому поводу не говоритъ. Обвинитель „отъиде посрамленъ".

„Дальше, дальше! — намъ еще 25 верстъ до ночлега. — Идемъ плоскою мѣстностью. Вечерѣетъ. По бокамъ экипажей шныряютъ какіе-то всадники, присоединившіеся къ нашему поѣзду. Это имеретины въ темныхъ черкескахъ и башлыкахъ, тюрбаномъ повязанныхъ вокругъ головы, они усиленно похлестываютъ своихъ лошаденокъ и ссорятся изъ-за одной канавки, по которой, за недостаткомъ мѣста на дорогѣ, занятой экипажами и конвоемъ, приходится ѣхать гуськомъ. Кавалерія Петра Амбенскаго, какъ называетъ нашъ гофмаршалъ подобныхъ всадниковъ, добровольныхъ конвоировъ. Сумерки надвигаются быстро, становится свѣжо и мы завертываемся въ бурки. Дорога пошла лѣсомъ, проѣхавъ который, мы снова очутились въ открытой и ровной мѣстности. На западѣ небо уже слабо багровѣло, показались кое-какія звѣздочки, а впереди мы увидали четыре ярко пылавшихъ костра, — что

Литографія А. Якобсона (В. О. 7 л. № 2).

былъ мостъ черезъ Квирилу, гдѣ насъ ожидалъ Войсковой Старшина Хоперскаго казачьяго полка Брошматинъ, съ нѣсколькими офицерами и взводомъ нижнихъ чиновъ. Мостъ переѣхали пѣшкомъ, не надѣясь на его исправность. Кстати о мостахъ, и вообще, о пути между Абастуманомъ и Кутаисомъ. Постановленіе о передачѣ этой дороги въ вѣдомство управленія путей сообщенія уже состоялось нѣсколько мѣсяцевъ до нашего путешествія, но подлежащія власти, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и внимая гласу благоразумія, напоминавшаго имъ о собственной шкурѣ, приняли дорогу на другой день проѣзда Великаго Князя.

Конвойные зажгли факелы, дымомъ которыхъ усердно насъ коптили. Путь пошелъ въ гору; переѣхали полотно желѣзной дороги недалеко отъ станціи Ріонъ. Внизу налѣво замелькали огоньки низовыхъ кварталовъ Кутаиса, расположенныхъ у самой рѣки, и вскорѣ наши экипажи загромыхали по каменной мостовой столицы Имеретіи. Нѣсколько поворотовъ — и мы подъѣхали

къ дому Начальника губерніи, освѣщенному a giorno, у подъѣзда котораго Великаго Князя встрѣтили полицiймейстеръ Кутаиса, Правитель Канцеляріи Губернатора, Губернскій предводитель дворянства и еще нѣсколько офиціальныхъ лицъ. Было ровно 8 часовъ. Менѣе, чѣмъ въ двѣнадцать часовъ мы сдѣлали переѣздъ въ 88 верстъ, изъ которыхъ 36 — верхами. Въ губернаторскомъ домѣ остановился Великій Князь и большинство состоящихъ при Немъ; Олсуфьеву и мнѣ приготовлено было помѣщеніе въ гостепріимной хатѣ Командира Хоперскаго полка Полковника Пышкина. Въ 9 часовъ все собрались къ обѣденному столу, приступили не безъ оживленія къ закускѣ, но когда разсѣлись, усталость взяла свое и всѣ мы, какъ говорится, кое о чемъ помалчивали. Прекрасно изготовленный обѣдъ тянулся, къ сожалѣнію, нескончаемо долго (около двухъ часовъ). Были и инциденты; такъ посаженный противъ Великаго Князя Олсуфьевъ очутился носомъ непосредственно надъ великолѣпнымъ цвѣткомъ душистой ли-

ли, тяжелый и приторный за-
пахъ которой быстро порешилъ
съ утомленнымъ дорогою гене-
раломъ, вызвавъ сильное голово-
круженiе, вслѣдствiе чего Д. вс-
талъ изъ-за стола и отпра-
вился на балконъ, гдѣ и про-
сидѣлъ все остальное время обѣ-
да, преспокойно наслаждаясь свѣ-
жимъ воздухомъ. Другой инци-
дентъ, менѣе заметный, впро-
чемъ, былъ на краю стола,
гдѣ сидѣли Вуренъ, Мышковъ
и я. Одинъ изъ „услужающихъ",
какъ выражается М., обормотъ
во фракѣ съ свирѣпымъ лицомъ,
украшеннымъ монументальною
рыжею бородою, относился къ
намъ съ видимымъ пренебре-
женiемъ — далъ намъ по чашкѣ
бульона, а пирожками обнесъ.
Обиду эту переносить мы не
желали, но лишь путемъ уси-
ленной, хотя по необходимости
сдержанной, сигнализацiи ру-
ками, а больше головой, намъ
удалось привлечь джентльмена
въ нашу сторону и получить
нѣсколько пирожковъ. — Но это
было послѣднею вспышкою за-
ставшей немощной плоти, —
духъ ужъ давно перестал
бодрствовать, и не у насъ
однихъ, а у всѣхъ „спутни-

ковъ", усиленно моргавшихъ глазами изъ опасенія заснуть тутъ-же за столомъ. - Въ исходѣ одиннадцатаго трапеза окончилась и всѣ быстро разбрелись по домамъ или, вѣрнѣе, по кроватямъ.

Письмо 9е.

Оставляя описаніе Кутаиса изъ опасенія излить потоки гражданской скорби по поводу избитыхъ мостовыхъ его улицъ, безконечныхъ разновидностей полуразрушенныхъ заборовъ и всякихъ иныхъ печальныхъ особенностей нашихъ провинціальныхъ городовъ, перехожу прямо къ повѣствованію о нашемъ дальнѣйшемъ путешествіи.

Утро 3 Сентября прошло въ хлопотахъ, въ особенности для Олсуфьева и гофмаршала, производившихъ разсчеты съ фаэтонщиками и со всякимъ людомъ, соприкосновеннымъ къ вчерашнему передвиженію и къ пребыванію въ Кутаисѣ. Здѣсь умѣстно воздать должное этимъ двумъ

нашимъ спутникамъ, они дошли до тонкостей въ дѣлѣ подобныхъ разсчетовъ, оканчивавшихся, при ограниченности свободнаго времени, весьма быстро, но всегда къ всеобщему удовлетворенію получателей кредитокъ и серебряныхъ рублей. Но въ чемъ они положительно сбились совсѣмъ, такъ это въ опредѣленіи о комъ и къ какому подарку представить Великому Князю. Еще мы не доѣхали до Дагестана, а О. и гофмаршалъ въ каждомъ изъ представлявшихся лицъ, изъ числа сопутствующихъ нашей поѣздкѣ, почти безошибочно угадывали будущаго носителя перстня, булавки или запонокъ. Но въ чемъ они никогда не могли придти къ соглашенію, это въ опредѣленіи срока, когда ящикъ съ подарками подлежалъ закрытію и сдачѣ въ багажъ. Ни опытъ, ни крики О. не помогли; въ ссорѣ по этому предмету они уѣхали, въ ссорѣ и вернулись.

Завтракъ былъ приготовленъ въ прекрасномъ саду губернаторскаго дома. Садъ не великъ, но содержится въ большомъ порядкѣ и изобилуетъ рѣдкими по красотѣ экзем-

мерами Кавказской растительности.

Позавтракали быстро и въ 12 часовъ всѣ были уже въ поѣздѣ, который тотчасъ-же тронулся при привѣтственныхъ кликахъ музыки, сплошною толпою занимавшей платформу станціи.

Великій Князь и всѣ мы расположились въ прицѣпленномъ къ концу поѣзда вагонѣ-гостинной, откуда можно было свободно любоваться всей мѣстностью. Тихо и поминутно выпуская пары, два паровоза медленно тащили насъ въ гору по извилистому пути, проложенному до Тквибули. Крутизны и уклоны этой желѣзно-дорожной линіи необычайные. Кутаисъ исчезъ изъ виду, за нимъ и Гелати, и мы среди горъ, примыкающихъ съ юго-западной стороны къ Накерадскому хребту. Дорога идетъ по склону, внизу котораго извивается красная рѣчка-(Цхали-Цители), прозванная такъ, вѣроятно, вслѣдствіе красноватаго цвѣта грунта всей этой мѣстности. Вдали видны горы Сванетіи, на снѣжной линіи

которыхъ выдѣляется острая оконечность горы Метнула. Окружающая насъ растительность слегка пострадала отъ солнца; трава порядочно выжжена и не видно темной зелени лѣсовъ, среди которой мы очутились лишь впослѣдствіи, по прибытіи въ Ткибули. Миновали Гелатскій и Моцаметскій монастыри, живописно расположенные верстахъ въ двухъ отъ желѣзной дороги на отдѣльныхъ горкахъ, по очертаніямъ сходные съ прочими грузинскими монастырями, вродѣ Зарзмскаго, Сафарскаго и другихъ. Въ Гелатскомъ монастырѣ, выстроенномъ въ концѣ 11го вѣка, въ царствованіе грузинскаго царя Давида IIго Возобновителя, находится могила послѣдняго. Преданіе утверждаетъ, что въ боковомъ придѣлѣ главнаго храма погребена царица Тамара. Впрочемъ мѣстъ погребенія царицы, какъ и замковъ, ею будто-бы воздвигнутыхъ, такая масса во всемъ Закавказьѣ, что очень трудно узнать навѣрное, гдѣ покоится ея прахъ.

Время быстро прошло въ

бесѣдѣ, а для нѣкоторыхъ, утомленныхъ полуденнымъ зноемъ, въ клеваніи носомъ, — что, впрочемъ, послѣдніе упорно отрицали, не взирая на показанія свидѣтелей, — и въ половинѣ третьяго поѣздъ нашъ остановился въ полуверстѣ за станціею Тквибули. Здѣсь мы остаемся остальную часть дня и ночуемъ въ вагонахъ. По маршруту предполагалось въ подробности осмотрѣть каменноугольныя копи, расположенныя въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста нашей остановки. Великій Князь ѣхать не пожелалъ и удалился къ себѣ въ вагонъ; нѣкоторые-же изъ насъ возсѣли на стоявшихъ тутъ наготовѣ верховыхъ лошадей и отправились къ копямъ, принадлежавшимъ нѣкогда Новосельскому, а нынѣ находящіяся въ вѣдѣніи правительственной опеки, предсѣдательство въ которой возложено на Полковника П., стараго и заслуженнаго кавказскаго офицера, любезно предложившаго насъ сопровождать. Ѣхали мы около часу по красивой лѣсистой мѣстности и сошли съ лошадей у выстроеннаго имъ

зелени, въ центрѣ мѣстонахожденія копей, павильона. Признаюсь, если-бы не волшебный видъ на всю долину рѣчки Ткибулки и на чарующую прелесть окружающей растительности, которыми удалось любоваться изъ этого павильона, я-бы сказалъ, что попусту осматривать копи. Мерзость запустѣнія царила на всемъ пространствѣ ихъ расположенія. Не видно было ни одной цѣльной постройки, всюду валялись старые доски и въ полуразрушенномъ сараѣ лежали сваленные въ кучи тачки. Бывшіе тутъ горные инженеры что-то намъ объясняли о причинахъ упадка добычи угля и о предстоящемъ процвѣтаніи этихъ копей, выпили мы даже шампанскаго за это процвѣтаніе, но все это тоскливаго впечатлѣнія не изгладило и моихъ сомнѣній не разсѣяло. Копи эти существуютъ не со вчерашняго дня, ихъ открылъ горный инженеръ Кулибинъ около полвѣка тому назадъ (въ 1845 году) во время намѣстничества Князя Воронцова. Общая толщина всѣхъ слоевъ угля достигаетъ 40–50 футъ. Жаловались на отсутствіе путей сообщенія; но уже много лѣтъ тому назадъ вы-

строена была замѣчательная по техническимъ сооруженіемъ и дорого стоившая Тквибульская вѣтвь желѣзно-дорожнаго пути, связывающая такимъ образомъ копи непосредственно съ Чернымъ и Каспійскимъ морями. И что-же? По этой вѣтви поѣзда ходятъ <u>одинъ</u> разъ въ недѣлю! Можно-ли, послѣ этого предполагать, что теперь, когда нефтяное отопленіе паровозовъ и пароходовъ грозитъ вытѣснить уголь и изъ бассейна Чернаго моря (на Каспійскомъ пароходы уже давно отапливаются нефтью), Тквибульскія копи, значительно испорченныя, какъ говорятъ, неправильною эксплоатаціею предшествовавшихъ ихъ запустѣнію лѣтъ, возродятся къ новой жизни и будутъ приносить доходъ?

Надо было спѣшить къ обѣду и, разсчитавъ, что намъ остается лишь немного времени для осмотра какого-то колодца и возвращенія къ вагонамъ, мы сѣли на лошадей и устремились за однимъ инженеромъ, вызвавшимся этотъ колодезь показать, и вскачь вылетѣвшимъ впередъ. Дорога была впрочемъ не изъ такихъ, по которымъ можно безнаказанно ѣхать ускоренными

амнорами: мы поѣхали шагомъ, потеряли нашего путеводителя изъ виду и чуть не заблудились. Выбравшись кое-какъ на дорогу, по которой пріѣхали, мы преспокойно направились къ своему поѣзду и тамъ встрѣтились съ нашимъ инженеромъ у стола съ закуской. Этимъ эпизодомъ закончился осмотръ копей.

Обѣдъ былъ приготовленъ въ устроенномъ на откосѣ близъ полотна желѣзной дороги шалашѣ, разукрашенномъ вѣтками каштановыхъ и буковыхъ деревьевъ. Къ концу обѣда совсѣмъ стемнѣло; зажжены были разноцвѣтные бумажные фонари, вереницей висѣвшіе между столбами шалаша, и на окрестныхъ горахъ показались яркіе костры. Густая толпа мѣстныхъ селянъ, мужчинъ и женщинъ, находившаяся, пока было свѣтло, въ извѣстномъ отдаленіи отъ шалаша, подъ прикрытіемъ ночи, незамѣтно для себя и насъ подвигалась въ нашу сторону и вскорѣ совершенно насъ окружила. Слышные сначала вдали пѣсни раздавались громче и ближе, появились факелы, освѣтившіе необычную,

оставшуюся свободной площадку, на которой тотчасъ-же начали подвизаться танцоры, и уединенное мѣстечко остановки Великокняжескаго поѣзда превратилось въ мѣсто гулянья многочисленной и оживленной толпы. Но вотъ Великій Князь вскарабкался въ свой вагонъ, за Нимъ отправились и мы каждый въ свою конуру, и черезъ четверть часа все стихло.

На другой день, 4-го Сентября, всѣ мы поднялись рано, такъ какъ уже въ 8 часовъ назначенъ былъ выѣздъ и намъ предстоялъ переходъ (верхомъ) около 37 верстъ до мѣста слѣдующей ночевки, Амбролаури, куда были раньше высланы изъ Кутаиса всѣ наши вещи и кухня, не разлучаясь съ которыми намъ предстояло двигаться уже всю остальную часть пути.

Солнце привѣтливо освѣщало всю мѣстность, чувствовалась пріятная свѣжесть и, бодро взобравшись на подведенныхъ намъ коней, мы весело тронулись въ путь. Сразу начался подъемъ и молодыя казачьи лошади, – конвой состоялъ изъ только-что прибывшихъ изъ Кубанской области новобранцевъ, – не привыкшія еще къ горамъ, горячились

тѣмъ болѣе, чѣмъ круче была до-
рога; приходилось часто останав-
ливаться, чтобы дать имъ вздох-
нуть. Виднѣвшаяся вначалѣ уз-
кая извилистая дорога къ пе-
ревалу пропала изъ виду и мы
очутились среди густыхъ лѣс-
ныхъ насажденій; лишь по вре-
менамъ, на поворотахъ, показы-
валась линія Накеральскаго
хребта и высшая ее точка,
на которой обрисовалась, на го-
лубомъ фонѣ утренняго неба,
часовенка, носящая названіе Цхра-
джвари (девять крестовъ). По
преданію часовня эта построена
апостоломъ Симономъ-канани-
томъ; стѣны ее сохранились
донынѣ; впослѣдствіи устроили
надъ ними деревянный навѣсъ
и разъ въ годъ тамъ совершает-
ся служба, привлекающая много-
численныя поклонниковъ изъ ок-
рестныхъ селеній. Въ часовнѣ
хранится, какъ намъ говори-
ли, девять желѣзныхъ крес-
товъ, давно уже найденныхъ
подъ ее стѣнами и разло-
женныхъ на особомъ столѣ.

Мы быстро двинулись впе-
редъ, несмотря на крутизну
пути; еще два-три поворота-
и мы на гребнѣ перевала.
Вонъ хавъ нѣсколько раньше дру-

лись, О. и я тотчасъ-же спѣшились, чтобы свободнѣе любоваться видомъ, открывавшимся передъ нами по ту и по другую сторону хребта.

Читая описаніе красивѣйшихъ уголковъ природы, я обыкновенно относилъ къ простому литературному пріему вступленіе автора, въ которомъ онъ сожалѣетъ, что у него не хватаетъ дарованія передать всю красоту описываемой имъ мѣстности. Но здѣсь, на высотѣ Накеральского хребта, безотчетно переводя взоры то въ ту, то въ другую сторону, не зная на чемъ сосредоточить вниманіе, я убѣдился въ полномъ безсиліи человѣческой рѣчи выразить восторгъ, испытываемый при созерцаніи красотъ божественной природы, никакому описанію не поддающихся. И теперь, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда казалось-бы, сила пережитыхъ впечатлѣній должна уже уступить мѣсто болѣе опредѣленному отчету о видѣнномъ, я помню лишь охватившій меня тогда сердечный трепетъ и помню, что мысли мои безотчетно уносились куда-то въ даль, за пре-

дали волшебныхъ очертаній горъ, долинъ и облаковъ, разстилавшихся по всему видимому пространству и исчезавшихъ во погруженномъ въ перламутровую дымку горизонтѣ.

И я не скажу, чтобы человѣкъ, въ такія минуты, когда онъ очами можетъ постигнуть величіе мірозданія, чувствовалъ себя ничтожнымъ, или подавленнымъ: напротивъ, испытывается необычайный подъемъ духа и сознается общеніе съ безконечнымъ...

На перевалѣ (3972 ф. надъ уровнемъ моря) граница Рачинскаго уѣзда, въ предѣлы котораго мы вступаемъ. - Здѣсь встрѣтили Великаго Князя уѣздный начальникъ, предводитель дворянства, почетный мировой судья и еще нѣсколько лицъ изъ мѣстнаго дворянства. Выстроенная небольшая бесѣдка была украшена вѣтками самшита, кавказской пальмы, весьма цѣнной породы дерева, произрастающей близъ перевала въ видѣ полустелющагося и неимѣющаго вертикальнаго ствола кустарника. Въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа самшитъ растетъ деревомъ, діаметръ котораго достигаетъ иногда

7 верстахъ. Спросъ на самшитовое дерево заграницу былъ такъ великъ, что оно массами вывозилось съ Кавказа въ теченіе многихъ лѣтъ; хищническая рубка самшитовыхъ лѣсныхъ насажденій побудила правительство принять разныя мѣры къ охранѣ ихъ отъ окончательнаго истребленія, какъ-то воспрещенію вырубки самшита въ казенныхъ лѣсахъ гражданскаго вѣдомства и установленію отпускной пошлины въ размѣрѣ 30 коп. золотомъ съ пуда.

Мы начали спускаться по С. В. склону Накерала, обширное пространство котораго покрыто сплошь рододендрономъ, дикими азаліями, жимолостью и другими кустарниками, создавшими непроницаемый живой покровъ. Среди этого сплошного темнозеленаго ковра высились единично стоящія деревья, бука, ели и пихты. Весело было ѣхать по отличной грунтовой дорогѣ, ярко-желтый цвѣтъ которой рѣзко выдѣлялся среди окружавшей насъ зелени. Лошади шли бойкою рысью; щелканье подковъ и оживленные разговоры звонко раздавались въ утренней тишинѣ лѣса. Оттенувшись сну-

Литографія Д. Якобсона (В. О. 7 л. № 4).

чайно, я увидѣлъ, что поѣздку нашу сопровождала цѣлая толпа всадниковъ, среди которыхъ выдѣлялись барашковыя шапки съ зелеными верхами мѣстныхъ стражниковъ. Но вотъ и мѣсто привала, Духанъ, рядомъ съ которымъ выстроенъ навѣсъ, подъ которымъ уже суетится Тигранъ въ неизмѣнномъ полосатомъ бешметѣ. Завтракъ обильный и быстро исчезнувшій въ проголодавшихся желудкахъ путешественниковъ, тосты за здоровье Его Высочества и „спутниковъ" — и мы всѣ располагаемся для отдыха на травѣ, у самаго берега небольшаго озерка, 7 саженей въ діаметрѣ, очень глубокаго и, какъ говорятъ, богатаго форелями. Озерко это и другое, еще меньшаго размѣра, находящееся по ту сторону дороги, носятъ названіе Хараст-вали, что по мѣстному нарѣчію значитъ „Бычачьи глаза". М. принялся за фотографическую съемку, а В., не желавшій упустить прекраснаго случая если не сломать себѣ шеи, то, по крайней мѣрѣ, кувыркнуться на дно „Бычачьяго глаза", стаетъ на двѣ перевязанныхъ бревнышка и выгребая лопатою, пытаясь из-

мѣрять глубину озера.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ озера Харшитвали находится мѣловая пещера, въ которой держится вода; во время сильныхъ жаровъ въ водѣ показываются льдинки. Но сильные жары уже миновали, мы потеряли-бы часа два-три на поѣздку, а между тѣмъ намъ предстояло еще совершить болѣе 25 верстъ верхомъ. Въ половинѣ перваго подали лошадей и мы тронулись въ дальнѣйшій путь; поѣхали вдоль русла рѣки Шаоры, берущей начало въ Накеральскомъ хребтѣ. За нѣсколько верстъ до сел. Никорцминды рѣчка эта скрывается въ землю и затѣмъ уже вырывается изъ подъ скалы, близ монастыря. Чешмесъ-Тберази, оставшагося вправо отъ насъ, и носитъ названіе Шевргули. Проѣхавъ обширный лугъ — начало плоской возвышенности, на которой расположено сел. Никорцминда — мы вступили въ предѣлы самаго селенія, дома котораго раскинуты на значительномъ пространствѣ. Много полей, мало лѣсу и вообще Никорцминда ничего особенно красиваго и ничего

цѣльнаго не представляетъ. Это не село, какъ мы привыкли понимать, а скорѣй отдѣльные небольшіе поселки, раскинутые на большомъ разстояніи другъ отъ друга, между которыми проходитъ, часто поворачиваясь, каменистая дорога. Въ Никорцминдахъ древній храмъ во имя Георгія Побѣдоносца, въ которомъ служба идетъ и понынѣ. Храмъ этотъ, какъ говорятъ, построенъ во время Никейскаго собора, когда возникъ споръ о перстосложеніи для крестнаго знаменія. Весьма вѣроятно, что такое предположеніе справедливо, такъ какъ на наружной стѣнѣ храма, со стороны алтаря, сохранилось высѣченное въ камнѣ изображеніе Богоматери, протягивающей для благословенія руку, пальцы которой, несоразмѣрно крупные, сложены для крестнаго знаменія.

Отъ Никорцминдъ до слѣдующаго селенія Хотеви, дорога все время спускается и мѣстами довольно круто, что не мѣшаетъ сопровождающимъ насъ всадникамъ скакать въ разныхъ направ-

леніяхъ; поотставшій отъ насъ А., желая насъ догнать, пустилъ свою лошадь вскачь и чуть не поплатился дорого за неосторожность: у него отлетело стремя; лошадь, на полномъ ходу, потеряла равновѣсіе, а можетъ быть просто споткнулась и упала вмѣстѣ съ всадникомъ, отдѣлавшимся, къ счастію, лишь легкимъ ушибомъ руки и царапинами на лицѣ.

Ничего затѣмъ особеннаго, если не считать скачки кавалеріи „Петра Алибенскаго" по открывшемуся по пути широкому полю, не произошло. Мы проѣхали мимо группъ разрядившихся мѣстныхъ жителей, привѣтствовавшихъ Его Высочество при проѣздѣ; въ этихъ кучкахъ народа длинные, имеретинскаго покроя, черкески, съ высоко-подшитыми хазырями, перемежались съ пестрыми женскими платьями новѣйшаго городскаго фасона, владѣтельницы которыхъ вооружены были, сверхъ того, разноцвѣтными зонтиками. Видно нѣтъ препятствій для городской моды! черезъ Накеральскіе и даже Мамисонскіе перевалы она свободно проникаетъ во

глухіе уголки Кавказа.

Близъ Хотеви мы перебрались черезъ притокъ Ріона, рѣчку Крехулу, и въ три часа, на рысяхъ, въѣхали въ Амбролаури, гдѣ на лугу, подъ великолѣпною вѣковою липою, невдалекѣ отъ отведеннаго намъ подъ ночлегъ дома, раскинутъ былъ столъ, къ которому все общество стремительно подвигалось для насыщенія.

На лугу большое оживленіе: снующій во всѣхъ направленіяхъ штатъ нашей прислуги, пріурочившей къ себѣ въ облегченіе дюжину добровольныхъ помощниковъ изъ аборигеновъ, казаки, разбирающіе лошадей, духоборы, въ своихъ мягкихъ фуражкахъ съ полуаршинными козырьками, имѣющіе влачить насъ въ колескахъ на Мамисонскій перевалъ, легіонъ любопытныхъ, чинно располагающихся въ извѣстномъ еще отдаленіи, и шмыгающіе многочисленные сельскіе псы, плебейскаго происхожденія, привлеченные надеждою вкусить неизвѣданныхъ досель яствъ и невѣданнымъ зрѣлищемъ невольной бѣлой собачки, высокоаристократическаго происхожденія, Сферки, учиненнымъ лаемъ

приветствовавшей свиданіе съ хозяиномъ.

Селенье Амбролаури лежитъ въ котловинѣ, расположенной въ углу, образуемомъ рѣчкою Крихулою и Ріономъ. Оно живописно раскинулось въ видѣ отдѣльныхъ хуторковъ по откосамъ окружающихъ его высокихъ горъ, частью покрытыхъ лугами и лѣсомъ, частью обнаженныхъ. Въ очертаніи горъ необыкновенно мягки, краски гармоничны и, несмотря на сравнительную близость линій горизонта, чувствуется просторъ. Теплый вечерній воздухъ и отблески лучей заходящаго солнца прибавляли прелести всей картинѣ и благодушно настраивали всѣхъ насъ.

Мы весело расположились вокругъ обѣденнаго стола, къ которому были приглашены многіе изъ сопровождавшихъ Его Высочество мѣстныхъ дворянъ и разныхъ начальствующихъ лицъ. Тосты сопровождались пѣніемъ „мравалъ жаміера". Кстати о хорошемъ исполненіи наши застольныхъ пѣсенъ: первые партіи вручалась всегда

Хельбетрему, обладающему те-
норомъ, съ пріятной скандинав-
ской глухотою, вызывающею
въ пѣвцахъ мощное напряже-
ніе легкихъ всякій разъ какъ
онъ забирается на нѣкото-
рую высь. Всѣ мы, остальные
спутники, тянули партіи по
усмотрѣнію, а главное, по
настроенію: М., придержи-
вавшійся тѣхъ, которые ему
были знакомы по слуху, М.
пребывалъ на порогѣ тоновъ
изъ преисподней, а мнѣ, какъ
невладѣющему никакимъ го-
лосомъ, выпадало на долю
извлекать изъ себя звуки или
баса, или фальцетта, смот-
ря потому, куда шли то-
варищи. Одинъ Ю., пріобрѣв-
шій нѣкогда, за время вы-
дуванія партіи 2-го корнета
въ любительскомъ оркестрѣ,
твердыя познанія въ интер-
валахъ, оставался до конца
вѣренъ избранному голосу и
въ сознаніи его необходимости,
упорно и съ самодовольствіемъ
тянулъ квинту. Если сосѣдъ
его почему-либо не оттяги-
валъ должно являемой имъ
заслуги, Ю. толкалъ этого
сосѣда въ бокъ, протягивалъ
свою квинту за предѣлы

финальнаго аккорда и многозначительно подбитымъ пошелъ къ верху.

Двое изъ имеретинскихъ дворянъ, за здоровье которыхъ было выпито и спѣто, не пожелали остаться въ долгу по части музыки, вызвали изъ окружающей насъ публики двухъ слугъ имеретинъ, которые, ставъ за стульями своихъ господъ, что-то пропѣли Великому Князю отъ имени послѣднихъ. Пожеланія, выраженныя словами пѣсни или отъ сердца, но сама пѣсня, или вѣрнѣе, музыкальное исполненіе, — унеси ты мое горе!...

Совсѣмъ стемнѣло, липа разукрасилась разноцвѣтными фонарями, на верху старой башенки, около нашего дома, запылалъ костеръ; толпа запѣла пѣсни и плясали и, послѣ пожалованнаго ей Великимъ Княземъ угощенья, разбрелась по домамъ. Нехотя потянулись къ дому и мы: жаль было оставлять убѣжище подъ липой и покидать ласкающую сѣнь теплой южной ночи для походной кровати, гдѣ обрѣталось лишь

сомнительное успокоеніе.

Письмо 3е.

На другой день, 5го Сентября, мы уже катили рано утромъ, въ покойныхъ колескахъ по направленію къ Они, следуя по тракту, называемому Военно-Осетинскою дорогою. Почтовое сообщеніе поддерживается лишь между Кутаисомъ и Они, главнымъ городомъ Рачинскаго уезда, поэтому, хотя экипажи были намъ предоставлены почтовымъ ведомствомъ, но лошади были наряжены по вольной цене у ахалкалакскихъ духоборовъ, взявшихся довезти насъ до Мамиссонскаго перевала, где насъ ожидали заготовленные, также по вольному найму, кони владикавказскихъ молоканъ.

Отъехавъ версты три отъ Амбролауръ, мы приблизились къ самому Ріону, переехали черезъ мостъ, построенный въ ущельи, име-

РУМЯНЦ… БИБЛ…

нуемомъ хайдискарскимъ, и затѣмъ уже, не переѣзжая рѣки, ѣхали по ея правому берегу до самаго Они. Мѣстность рѣзко измѣнилась: не видать зеленѣющихъ холмовъ, скалистые горы высятся по ту и по другую сторону дороги, а внизу шумитъ рѣка, катя свои мутные и пѣнистые волны по каменистому и крутому руслу. Мѣстами она расширяется, образуя небольшіе острова и заводи. Въ соотвѣтствіи съ мрачною мѣстностью и дорога утратила свой веселый характеръ: она начинаетъ уже, очевидно по необходимости, проходить очень близко къ стремнинамъ и обрывамъ, правда, неочень еще глубокимъ, но совершенно достаточнымъ для того, чтобы съ нѣкоторою озабоченностію приглядываться къ искусству возсѣдающаго на козлахъ автомедона. Къ счастью, въ кучерскомъ искусствѣ нашихъ духоборовъ сомнѣваться нельзя: не спѣша, осторожно управляютъ они своими степенными и грузными, по сравненію съ

метками имеретинскими, поладбили и мы покойно трусили по каменистой дорогѣ. Проѣхали сел. Цеси, перебрались по мосту черезъ притокъ Ріона, рѣку Лухунъ, недалеко отъ устья которой, на отдѣльной скалѣ, виднѣется, какъ орлиное гнѣздо, полуразрушенный замокъ Сори, носящій названіе расположеннаго въ ближайшемъ сосѣдствѣ селенія. Такихъ замковъ и башенъ множество на всемъ протяженіи этой части долины Ріона, дикой и когда-то покрытой густымъ лѣсомъ, слѣды котораго видны до сихъ поръ. На противоположномъ берегу рѣки видно небольшое селеніе Никвзнахъ (по имеретински — орѣхъ), за которымъ въ Ріонъ впадаетъ небольшая, но шумная рѣчка Джуджеара, берущая начало въ главномъ хребтѣ, недалеко отъ Мамиссонскаго перевала. За нею долина Ріона начинаетъ нѣсколько расширяться, чтобы пріютить уѣздный городъ Они, къ которому, перебравшись на лѣвый берегъ рѣки, мы и

подъѣхали, остановившись въ почтительномъ отъ него разстояніи. По росписанію здѣсь назначенъ былъ холодный завтракъ, по походному, т. е. вдали отъ всякихъ соглядатаевъ. Но судьба, въ противность вкусамъ Великаго Князя и свитае сто-толку ровенію „онскихъ" и прочихъ подлежащихъ властей, устроила дѣло иначе. Вмѣсто укромнаго уголка мы нашли разукрашенный коврами, термендами и флагами навѣсъ, окруженный тысячною толпою, черезъ которую долженъ былъ прослѣдовать Его Высочество, сопутствуемый, между прочимъ, какимъ-то ретивымъ Держимордою, усердно расточавшимъ зуботычины почтительно раздвигувшейся и построившейся въ два густыхъ ряда публики. Лишь только Великій Князь и всѣ мы разсѣлись вокругъ приготовленнаго для завтрака стола, вся эта толпа расположилась вокругъ насъ и весьма близко, полукругомъ. Великій Князь былъ не въ духѣ, властямъ, которымъ было замѣчено, что распоряженія ихъ, нарушающія покой

Его Высочества и идутъ прямо въ разрѣзъ съ установленнымъ свыше и ясно объявленнымъ характеромъ путешествія, были сконфужены и желали поправить дѣло, предложивъ репрессаліи противъ любопытствующей толпы; но ихъ удержали, не довѣряя убѣдительности ихъ рѣчей и изъ опасенія оставить въ населеніи, одновременно съ воспоминаніемъ о проѣздѣ Царскаго Сына, память объ обильно расточаемыхъ зуботычинахъ. Завтракъ этотъ былъ занесенъ въ наши путевые скрижали подъ названіемъ „онской исторіи", какъ его окрестило само мѣстное начальство.

Позавтракавъ наскоро, мы разсѣлись по экипажамъ и тронулись въ дальнѣйшій путь, слѣдуя, попрежнему, по правому берегу Ріона. Полуденное солнышко порядочно пригрѣвало насытившихся путешественниковъ, которые, за немногими исключеніями, подрёмывали, умостившись въ уголкахъ колясокъ.

Мѣстность становилась

все суровѣе; впереди насъ, какъ-бы замыкая съуживающееся постепенно ущелье, высились снѣговыя вершины главнаго хребта, съ боковъ громоздились скалы и горы, покрытыя хвойною растительностію и Ріонъ все бѣшеннѣе и бѣшеннѣе крутился въ загроможденномъ камнями руслѣ. Проѣхали, небольшія селенія Шеубани, Лацханта, Сакаво и въ 3½ часа пополудни добрались до Уцеры, мѣста ночевки.

Въ Уцерахъ мы размѣстились въ домикѣ Начальника дистанціи путей сообщенія К., веселенькой постройкѣ, находящейся почти въ центрѣ селенія и въ двухъ шагахъ отъ ваннаго зданія, куда мы всѣ отправились тотчасъ-же по пріѣздѣ. Уцеры славятся своими источниками (углекисло-железистые); пользуются ими впрочемъ лишь жители Имеретіи, такъ какъ попасть сюда изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ весьма трудно, вслѣдствіе отсутствія почтоваго сообщенія. Обстоятельство это, а равно и малая требовательность наѣзжающей сюда

многочисленной публики, служатъ достаточнымъ объясненіемъ примитивного устройства ваннъ и всѣхъ прочихъ приспособленій. - Такъ называемая гостинница не что иное какъ баракъ съ галереею, куда выходитъ дверь и единственное окно каждаго номера, имѣющаго приблизительную площадь въ 10-12 квадратныхъ аршинъ. За такую конуру, снабженную желѣзною кроватью, стуломъ и жиденькимъ столикомъ, взимается съ пріѣзжихъ больныхъ рубль въ сутки, въ иное время полтора и два, когда наѣзжаетъ народу побольше.

Обѣденный столъ былъ приготовленъ подъ высокою липою, въ три обхвата толщиной. Мы разсѣлись вокругъ него въ обычный часъ, но настроеніе уже не то, что въ Амбролаурахъ. Окружающія насъ со всѣхъ сторонъ и на близкомъ разстояніи высокія, скалистыя, или покрытыя хвоею, горы какъ-то давятъ, а поднявшійся рѣзкій вѣтеръ непрерывно шумитъ надъ

нашими головами, усиленно раскачивая широкія и длинныя вѣтви дерева, подъ которымъ мы пріютились. Хотя мы еще не особенно высоко — Уцеры лежатъ на высотѣ 3300 ф. надъ уровнемъ моря — но, глядя на окружающую суровую мѣстность, чувствуется близость громаднаго хребта, въ предѣлы котораго мы уже вступили: завтра, къ вечеру, мы будемъ переваливать черезъ гребень главнаго хребта, — по слухамъ, тамъ уже выпалъ снѣгъ.

Въ ночь вѣтеръ стихъ и утромъ 6-го Сентября мы выѣхали изъ Уцеръ, при совершенно ясной погодѣ. Проѣхавъ 7 верстъ по берегу Ріона, мы свернули направо, на мостъ, и, перебравшись черезъ рѣку, сразу очутились на крутомъ подъемѣ. Покинувъ Ріонъ, дорога пошла прямо на востокъ, мѣстными ущельемъ рѣчки Чачахи, или Блола-цхали, берущей начало у самаго Мамисонскаго перевала. Сначала мы поднялись высоко надъ рѣкою, но затѣмъ, проѣхавъ чудесный, почти первобытный лѣсъ, въ

Литографія А. Якобсона (В. О. 7 л. № 2).

которымъ преобладали высокія ели и пихты, немного спустились и въѣхали въ обширную и красивую долину, почти со всѣхъ сторонъ окаймленную лѣсомъ, посреди которой, у самаго берега рѣки, живописно расположилось селеніе Глола. Впереди селенія, вѣнчая отдѣльно стоящую скалу, высится древній замокъ, стѣны и башни котораго, мало пострадавшія отъ времени, красиво обрисовывались на фонѣ зеленѣющаго противоположнаго склона.

Глола — послѣднее имеретинское селеніе, черезъ которое мы проѣзжаемъ, но въ немъ уже не мало семействъ, переселившихся съ той стороны хребта. Оставляя Ріонъ, а съ нимъ и Кутаисскую губернію, не лишне вспомнить историческое прошлое покидаемой нами мѣстности, природой и климатомъ которой мы наслаждались цѣлыхъ 6 дней.

Географическія и историческія условія этого края содѣйствовали образованію въ немъ самостоятельныхъ владѣній: Имеретинскаго Царства, владѣній Гурійскаго, Мингрельскаго, Абхазскаго, Вольной Сванетіи и Лазистана. Теперешніе три уѣзда — Кутаисскій,

Рачинскій и Шаропанскій образовались изъ бывшаго Имеретинскаго царства, Озургетскій — изъ Гурійскаго владѣнія, а Зугдидскій, Сенакскій и Лечхумскій — изъ Мингрельскаго владѣнія.

По раздѣленіи Грузинскаго царства въ 1462 г. Абхазія, Гурія, Мингрелія и Сванетія достались Имеретинскому царю. Съ первой половины XVI вѣка начались междоусобія между имеретинскими царями и правителями Мингреліи Дадіанами и Гуріелами, продолжавшіеся до самаго присоединенія края къ Россіи. Владѣтель Мингреліи Дадіанъ Георгій еще въ концѣ 1803 г. принялъ присягу на вѣрноподданство Россіи. Въ 1810 году Имеретинскій царь Соломонъ, а въ 1828 г. Правительница Гуріи, послѣ неудачныхъ попытокъ отложиться отъ Россіи, бѣжали въ Турцію, гдѣ и умерли, отдѣльное существованіе Имеретинскаго царства и Гурійскаго владѣнія прекратилось навсегда. Мингрельскіе-же владѣтели отличались неизмѣнною преданностью русскому престолу до окончательнаго присоединенія ихъ владѣній въ 1857 г. къ Россіи.

Верстахъ въ трехъ за Бло-

лой поѣздъ нашъ остановился; выбравъ укромное мѣстечко близъ дороги, мы расположились завтракать на травѣ, подъ тѣнью кустовъ орѣшника, въ изобиліи попадающагося во всей окружающей насъ мѣстности. Голодъ чувствовался порядочный и всякіе холодные припасы быстро исчезали съ тарелокъ, въ огромномъ количествѣ разставленныхъ на разложенной по землѣ скатерти.

Надо ѣхать дальше, долго отдыхать нельзя; на скорую руку покормленные и напоенные кони Духоборовъ, подбадриваемые, тронулись рысцей, но вскорѣ затѣмъ перешли на шагъ. Ущелье Чанчахи настолько узко и паденіе рѣки настолько круто, что дорога уходитъ въ сторону и слѣдуетъ по склону окружающихъ насъ съ правой стороны горъ, подымаясь все выше и выше. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ и переѣздовъ (въ бродъ) черезъ горные ручьи, впадающіе въ Чанчаху, мы снова подъѣхали къ рѣкѣ, перебрались по мосту на другой берегъ и медленно начали подыматься по крутой извилистой дорогѣ. Мы были уже на высотѣ свыше 6500 футъ,

лѣса уступили мѣсто обнаженнымъ холмамъ, покрытымъ лишь травою неприглядныхъ осеннихъ оттѣнковъ. Небо заволокло тучами, порою проносилось надъ нами облако, окутывая насъ холодомъ и сыростью, а мы все подымались и подымались, невидя конца постояннымъ поворотамъ дороги. Дышется трудно и сердце работаетъ усиленно. Я вышелъ изъ коляски и, для разнообразія, захотѣлъ пойти на перерѣзку дороги, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по крутому, правда, откосу, какъ у меня зашумѣло въ ушахъ, не хватило дыханія и я вынужденъ былъ остановиться и еле-еле добрался до коляски. Но вотъ впереди показались очертанія, пока еще смутныя, перевала; тутъ гдѣ-нибудь и пріютъ, гдѣ мы ночуемъ. - Дѣйствительно, еще одинъ поворотъ дороги и мы оставили зигзаги и покатили рысцой по прямому направленію къ виднѣвшемуся у подножія перевала домику. Пошелъ дождь, но мы его уже не боялись и черезъ четверть часа входили въ пріютъ, какъ называется довольно просторная каменная постройка, находя-

щался въ распоряженіи вѣдомства путей сообщенія и служащая убѣжищемъ для застигнутыхъ непогодою путниковъ. Великій Князь расположился въ небольшой комнатѣ, устланной войлочными, осетинскаго издѣлія, коврами, а мы всѣ размѣстились по-сосѣдству, занявъ обширное помѣщеніе, вдоль одной стѣны котораго тянулись нары. Тутъ же былъ приготовленъ и обѣденный столъ. Дождь полилъ ливнемъ, въ перемежку съ градомъ; выходить было нельзя, а потому большинство изъ насъ пришлось отдохнуть, примостившись кое-какъ на нарахъ (фургоны наши значительно поотстали и на помощь имъ было выслано нѣсколько паръ изъ ожидавшихъ здѣсь насъ молоканскихъ лошадей). Въ 6 часовъ сѣли обѣдать, но обычнаго веселья не было. Всѣ чувствовали себя несовсѣмъ въ своей тарелкѣ, разговоры шли вяло, да и немудрено: взобравшись на высоту 8380 футъ по тяжелой дорогѣ и очутившись среди мрачной, да къ тому-же разбушевавшейся природы, мы не могли лелѣять иныхъ мыслей, какъ желаніе поскорѣе спуститься и оставить это непривѣтли-

все мѣсто. Вскорѣ все отправилось на покой и въ домѣ все смолкло; тишина ночи нарушалась порою лишь шумомъ дождя, попадавшаго въ стекла оконъ, да дребезжаніемъ и взвизгиваніемъ лошадей, привязанныхъ къ устроеннымъ невдалекѣ отъ дома коновязямъ.

Письмо 4е.

Сегодня, 7 Сентября, мы переваливаемъ черезъ главный Кавказскій хребетъ. До высшей точки дороги, лишь первые извилины которой можно распознать сквозь нависшій надъ всей мѣстностью туманъ, всего 4½ версты. Сыро и холодно. Погода-ли, суровая-ли дикость окружающей природы и сознаніе, что мы забрались куда-то далеко за предѣлы обычной людской жизни; но всѣмъ намъ было какъ-то не по себѣ. Въ 9 час. утра мы молча разсѣлись въ поданные экипажи и пустились въ путь. Черезъ нѣсколько минутъ колеса загремѣли

по камнямъ разстилающейся у подножія Адай-хоха морены и тронулись ѣхать шагомъ. Самая вершина Адай-хоха (12563 ф.) съ его вѣчными льдами исчезала въ густомъ туманѣ. Лишь только мы выѣхали изъ морены, начался подъемъ; дорога глинисто-хрящеватая, сильно пострадала отъ сырости и дождей; колеса глубоко увязали и поѣздъ нашъ растянулся значительно, медленно двигаясь по извилистому и крутому пути. Паръ клубился надъ вытягивавшимися въ струнку сильными и бойкими молоканскими конями. Къ счастью, этотъ тяжелый путь коротокъ и, меньше чѣмъ черезъ часъ по выѣздѣ изъ пріюта, мы на перевалѣ. Сквозь туманъ моросилъ дождикъ, но вотъ мы вылѣзаемъ изъ колясокъ вслѣдъ за Великимъ Княземъ, который принимаетъ привѣтствіе встрѣтившихъ Его властей Терской области: Начальника области, Генералъ-Лейтенанта Каханова, уѣзднаго начальника С., главнаго инженера С. и Начальника дистанціи путей сообщенія Ол., живаго и интереснаго старика, извѣстнаго коллекціонера разныхъ геологическихъ и археологиче-

скихъ радостей.

Въ это время отстегиваютъ пристяжныхъ лошадей: четверкой ѣхать нельзя, такъ какъ дорога узкая, да и не къ чему: — все время будемъ спускаться. Но куда? Куда ни взглянешь, всюду густой туманъ. Снова разсѣлись по колескамъ; казаки Сунженско-Владикавказского полка, выѣхавшіе для конвоированія нашего поѣзда, разобрали пристяжекъ и мы тронулись въ путь. Но и здѣсь, какъ шесть дней тому назадъ на Зекарскомъ перевалѣ, природа смилостивилась надъ нами: мы не проѣхали двухъ верстъ, какъ туманъ быстро разсѣялся и солнце привѣтливо выглянуло изъ-за раздвинувшихся облаковъ. Мы на плоскогорьѣ; вдали — смутные еще, но уже легко распознаваемые очертанія передового кряжа Кавказскаго хребта, а непосредственно вокругъ насъ разстилаются обширные луга, покрытые безчисленными стогами сѣна. Сильно поблекшая трава скрашивается попадающимися еще въ изобиліи бѣлыми маргаритками, а серебристый отблескъ многочисленныхъ ручейковъ, ниже превращающихся въ потоки, образующіе р. Ардонъ, —

вности нѣкоторое оживленіе въ
общій унылый тонъ окружающей
насъ мѣстности.

Теперь, когда тумана уже
и слѣдъ простылъ и видно далеко
впередъ, мы увидѣли куда мы
спускаемся, но... лучше было-бы
не видѣть! Побаловавъ насъ
двумя-тремя поворотами среди
ровной мѣстности, дорога пот-
нулась помимо узкимъ карни-
зомъ за крутые склоны горы,
сузилась несказанно, повисала
порою надъ бездонными пропа-
стями: и такъ на протяженіи
больше чѣмъ двадцати верстъ.

Къ чему разсказывать, мой сынъ,
Чего пересказать нѣтъ силы?!...
говоритъ Финнъ Руслану, повѣст-
вуя о пережитыхъ волненіяхъ.
И у меня не хватитъ искусства
подыскать вѣрные выраженія,
чтобы описать то отвратитель-
ное состояніе духа, которое я
испытывалъ, ѣдучи по узкой
дорогѣ надъ страшной кручиз-
ной. Зловѣще звучалъ въ ушахъ
комическій разсказъ Горбунова:
„ежели отсѣдова кувырнуться,
такъ не токмо что человѣче-
скаго званія, а и мокраго мѣ-
ста не останется!" А мы ѣхали,
ѣхали, незамѣдлие [illegible],
и душевныя замиранія чередо-

ваться лишь съ чувствомъ неизъяс-
нимой злобы противъ праздно
сопутствовавшихъ намъ путей-
цевъ и иныхъ мѣстныхъ на-
чальствъ, у которыхъ языкъ не
повернулся укротить неумѣст-
ную лихость ямщиковъ, проявлен-
ную за все время спуска
съ Мамисонскаго перевала.
Я, конечно, говорю лишь о томъ,
что я испыталъ лично; но убѣж-
денъ, что многіе изъ моихъ
спутниковъ, возобновивъ въ
памяти и провѣривъ испытан-
ныя ими во время этого не-
забвеннаго спуска ощущенія,
сознаются въ томъ, что и ихъ
настроеніе было не изъ сладост-
ныхъ.

Мы ѣхали по склону горы,
примыкающей къ лѣвому бе-
регу Ардона, Мамисонъ-дона.
Растительности никакой, все
вокругъ сѣро и дико. На про-
тивоположномъ склонѣ горы
и далеко внизу, у самаго русла
рѣки, гнѣздятся аулы (или
хау, какъ ихъ здѣсь называютъ)
съ ихъ каменными саклями,
многія изъ которыхъ увѣнчаны
четыреугольными башенками.

Мало по малу мы спусти-
лись изъ поднебесья и начали
проѣзжать черезъ нѣкоторые

аулы, въ одномъ изъ которыхъ
Его Высочеству была поднесена
хлѣбъ-соль. На сакляхъ всюду
были развѣшаны ковры и раз-
вѣвались флаги, но какіе?! гол-
ландскіе, французскіе и фан-
тастическіе! Попадались и рус-
скіе, прибитые къ древку или
вверхъ ногами, или полосками
параллельно съ нимъ. Усердіе
было много, но впечатлѣніе бы-
ло только пестрое. Очевидно,—
низшіе органы власти, подъ
руководствомъ которыхъ аулы
разукрашивались, либо сами не-
твердо знали національныхъ
цвѣтовъ и расположенія ихъ на
флагѣ, либо, что извинитель-
нѣе, страдали дальтонизмомъ.
Впослѣдствіи, помнится, что-
то объясняли, почему неумѣло
были сшиты и прибиты всѣ
эти флаги, но возможны-ли
какія-либо объясненія? Надо
жить и въ особенности служить
на чужбинѣ, чтобы понять все
значеніе своего родного флага,
его неприкосновенность и нена-
рушимость и испытать ту
болѣзненную привязанность
къ этой тряпочкѣ, къ внѣш-
ней оболочкѣ того символа, ра-
ди котораго люди идутъ на
смерть съ легкимъ сердцемъ

и беззавѣтно жертвуютъ собою!...

Не удивляйся, любезный другъ, что я проявляю нѣкоторую злобивость даже и теперь, уже давно спустившись съ Маммисона: я стараюсь передать, какъ можно ближе, впечатлѣнія того пути, а раздражительность въ ту пору была естественна: на большихъ высотахъ сердце бьется усиленнѣе и люди, забравшіеся въ необычную для нихъ обстановку, склонны къ нѣкоторому возбужденію.

Но вотъ мы остановились у навѣса, приготовленнаго поблизости какого-то аула, названіе котораго не помню; невдалекѣ виднѣлся другой аулъ, Чми, на сѣромъ фонѣ котораго рѣзко выдѣляется маленькая бѣлая церковь. Внутри красиво убраннаго коврами и гирляндами навѣса, закрытаго съ трехъ сторонъ, помѣщался длинный столъ, уставленный приборами и всевозможными яствами. Шашлыки изъ барана и тура, сыры мѣстнаго издѣлія, превосходные груши — все это съ азартомъ уничтожалось проголодавшимися путешественни-

ками. Пока мы завтракали, осетинцы и осетинки въ праздничныхъ нарядахъ расположились вокругъ навѣса широкимъ полукругомъ и пошли танцы, родъ лезгинки, подъ звуки... о культура! — турецкой гармоники нѣмецкаго строя... Играли на ней только женщины, чередовавшіяся довольно часто, такъ какъ трудъ этотъ не изъ легкихъ. Прислушиваясь къ музыкѣ — ничего не усвоишь, ни темы, ни строго опредѣленнаго ритма, хотя раздававшіеся звуки были крайне однообразны. Великій Князь приказалъ наградить танцующихъ, сѣлъ въ коляску и, при громкихъ крикахъ привѣтствовавшей Его Высочество толпы, поѣздъ нашъ тронулся въ дальнѣйшій путь.

Между аулами Верхніе и Нижніе Зарамаги переѣхали по желѣзному мосту черезъ Ардонъ, въ ущельѣ котораго вступили, чтобы не покидать его почти до самаго Терека, переправа черезъ который намъ предстояла завтра.

Ардонъ (что значитъ по осетински бѣшеная рѣка) течетъ приблизительно на 52

версты и впадаетъ въ Терекъ неподалеку отъ Даргъ-Коха. Ширина его противъ Ардонской станицы, гдѣ онъ раздѣляется на 9 протоковъ, достигаетъ 200 саженъ, но на остальномъ протяженіи онъ гораздо уже и скорѣе можетъ быть названъ горнымъ потокомъ, нежели рѣкою. Въ низовьяхъ Ардонъ до сей поры не установился въ выборѣ постояннаго русла и бродитъ то вправо, то влѣво, какъ бы нарочно избѣгая то русло, на которомъ инженеры построятъ мостъ. Каждый годъ придумываютъ новыя мѣры регулированія теченія рѣки и каждый годъ она прорываетъ плотины. Но здѣсь, гдѣ мы ѣдемъ, Ардону дѣваться некуда: по обѣ стороны русла — скалы, обломки которыхъ безнаказанно загромождаютъ теченіе рѣки; вьюномъ кружась и пѣнясь между ними, она мчится дальше въ неизмѣнномъ направленіи.

Показалась растительность: убогія сосенки и любезныя сердцу сѣверянина березы, и вскорѣ мы подкатили къ инженерному дому урочища Св. Николая, маленькой одноэтажн-

ной постройкой, расположенной у самой дороги. Въ небольшомъ садикѣ разбито нѣсколько палатокъ, а столовая устроена въ узорчатомъ коврами и зеленью шатрѣ. Со всѣхъ сторонъ скалистыя горы, мѣстами покрытыя хвойнымъ лѣсомъ; впереди, по обѣ стороны дороги, небольшая площадка, а надъ нами ярко-лазуревая высь безоблачнаго неба. Чистота воздуха поразительная!

Уголокъ этотъ настолько привлекателенъ, что всѣ мы желали о кратковременности остановки. Мѣстность эта славится своимъ цѣлебнымъ воздухомъ; немного выше урочища, по теченію рѣки Цей-дона, начинается сосновый лѣсъ, примыкающій къ самому Цейскому леднику. Мѣстные жители, страдающіе грудью, селятся на лѣтнее время въ этомъ лѣсу, или въ близъ лежащихъ аулахъ Верхній и Нижній Цей. Леченье не сложное: пьютъ козье молоко и непремѣнно глотаютъ кусочки льда.

Цейскій ледникъ опускается съ сѣверо-восточной стороны Адай-Хоха и даетъ

начало рѣчки Цей-дону, впадающей въ Ардонъ немного выше нашего домика. Съѣздить осмотрѣть ледникъ — намъ не пришлось — до него считается около 17 верстъ — и время до обѣда мы провели, бродя вокругъ нашей стоянки и прислушиваясь къ неизвѣстно откуда появившейся толпы осетинъ и осетинокъ, вскорѣ устроившихъ пляску.

Сумерки подвинулись быстро; домъ нашъ украсился разноцвѣтными фонарями и мы направились къ обѣденному столу подъ звуки полковой музыки Сунженско-Владикавказскаго казачьяго полка, только-что прибывшей изъ Алагира. Послѣ обѣда музыканты исполнили еще нѣсколько нумеровъ, осетины устроили пляску подъ окнами Великаго Князя, а къ 10 часамъ все стихло. Завтра утромъ, съ нашимъ отъѣздомъ, урочище, необычно оживившееся, опустѣетъ совсѣмъ и опять надолго затихнетъ, оставивъ въ насъ, его случайныхъ посѣтителехъ, воспоминаніе объ укромномъ и привѣтливомъ уголкѣ.

На другой день, утромъ, 8 Сентября, мы пустились въ

Литографія А. Яковлева (В. О. 7 лин. № 4?).

Дальнѣйшій путь при совершенно ясной погодѣ; ни малѣйшаго тумана, несмотря ни на осеннее время, ни на близость ледника. Солнце встало давно, но его еще не видно: дорога и большая часть прилегающихъ къ ней склоновъ горъ въ тѣни.

Утренняя свѣжесть располагала къ моціону и, въ предвидѣніи долгаго сидѣнія въ экипажѣ (намъ предстоялъ переѣздъ около 55 верстъ), мы отправились съ О. пѣшкомъ, въ разсчетѣ пройтись версты 3–4, пока насъ не нагонятъ коляски. Ровная, съ легкимъ лишь уклономъ, дорога, скоро оставила площадку и повернула ближе къ рѣкѣ, въ тѣсное и лишенное всякой растительности ущелье. Ущелье это тянется до аула Нузала, около трехъ верстъ; передъ самымъ ауломъ дорога переходитъ на лѣвый берегъ Ардона и идетъ слегка въ гору.

Насъ предупреждали, что въ Нузалѣ имѣется древній христіанскій храмъ, но нельзя было признать его въ маленькой постройкѣ (около 4хъ арш. въ длину и 2хъ въ ширину), сложенной изъ плитняка и булыжника, съ едва видными железными крестиками на краю кровли и съ единственнымъ отверстіемъ, выходящимъ на западъ, служащимъ и дверью и окномъ.

Внутри этой часовенки, — церковью ее назвать нельзя, — сохранились кое-какія фрески; на горнемъ мѣстѣ довольно ясно распознаваемы лики Спасителя, Богоматери и Іоанна Богослова. По преданію часовня сооружена въ царствованіе царицы Тамары въ первой половинѣ XIII вѣка, владѣтельными князьями, братьями Сарозоновыми, трое изъ которыхъ, ведя отшельническую жизнь, сложили себѣ келіи высоко на горѣ, на противоположномъ берегу Ардона. Дѣйствительно, въ указанномъ намъ направленіи видны не то пещеры, не то сакли, по самой срединѣ отвѣсной скалы.

Въ часовнѣ ожидалъ проѣзда Великаго Князя священникъ изъ Садонскаго рудника; съ прибытіемъ Его Высочества былъ отслуженъ краткій молебенъ, послѣ котораго мы тотчасъ-же тронулись въ дальнѣйшій путь. Болѣе двухъ часовъ мы ѣхали почти непосредственно около рѣки, среди самой непривѣтной мѣстности: ущелье то расширялось, то суживалось, но нигдѣ никакой растительности. По временамъ наверху горы виднѣлись и большіе аулы и клочки полей, но это было такъ высоко надъ нами!

Немного не доѣзжая аула Бизъ, еле распознаваемаго среди окружающихъ его камней, останавливаемся на нѣсколько минутъ: рабочіе близълежащаго Садонскаго рудника собрались у дороги и подносятъ Великому Князю хлѣбъ-соль. Миновали Бизъ и поѣхали по высѣченной въ скалѣ дорогѣ, непосредственно надъ рѣкой. Ущелье начинаетъ расширяться, показываются мѣстные насажденія. Порою къ намъ доносится съ рѣки удушливый запахъ сѣры, — то сѣрные источники, вытекающіе изъ скалы и впадающіе въ рѣку. Подолгу видны ихъ бѣлесоватыя воды, лентою текущія рядомъ съ водами Ардона.

Но вотъ и конецъ ущелья! Передъ нами открывается обширное луговое пространство; на краю его видны крыши Алагирскаго завода, до котораго остается лишь 8 верстъ. Слѣва великолѣпный лѣсъ, опушка котораго приближается къ самой дорогѣ. Черезъ полчаса поѣздъ нашъ въѣзжаетъ въ заводскія ворота. Великій Князь вышелъ изъ коляски и въ сопровожденіи встрѣтившаго Его заводскаго начальства подошелъ къ столу, на которомъ разложены были разныя ситцы и образчики породъ серебро-свинцовой руды. Но какъ Великому

Князю, такъ и всѣмъ намъ не до-
подробнаго осмотра завода, къ стати
сказать почти бездѣйствующаго.-
Адмиралтейскій часъ давно даетъ
себя чувствовать и, размѣстив-
шись по экипажамъ, мы летимъ
нѣсколько далѣе, въ посадъ Алатырь,
гдѣ насъ ждетъ завтракъ.

Алатырь лежитъ на совер-
шенной плоскости; широкія и пу-
стынныя улицы украшены много-
численными садиками, за которыми
ютятся небольшіе, почти исклю-
чительно одноэтажные, дома мѣст-
ныхъ жителей, военныхъ, припи-
савшихся отставныхъ солдатъ и
рабочихъ. При звонѣ колоколовъ
Великій Князь входитъ въ цер-
ковь; ожидавшая у входа толпа
хлынула за Нимъ и нѣсколько
минутъ спустя, выслушавъ крат-
кій молебенъ съ многолѣтіемъ,
Его Высочество направляется въ
домъ батарейнаго командира, въ
саду котораго накрытъ столъ.
Батарейная, расположившаяся тут-
же въ саду, полковая музыка, подъ
звуки которой мы весело приня-
лись за утоленіе голода и жажды.

Было болѣе двухъ часовъ, когда
къ садовой калиткѣ подали на-
ши коляски, запряженныя свѣ-
жими четверками. Мы живо
размѣстились и быстро покати-

ли далѣе по гладкой, луговой дорогѣ, сопутствуемые сотнею всадниковъ-осетинъ. – Послѣдніе недолго ѣхали чинно: мягкій и широкій путь такъ и манилъ къ скачкѣ. Не прошло четверти часа, какъ мимо нашихъ колесокъ начали проскакивать осетины, лихо джигитуя на своихъ маленькихъ, но бойкихъ лошадёнкахъ. Не вытерпѣлъ и В.: выскочить изъ коляски, поймать какого-то осетина, стащить его съ коня и улетѣть на этомъ конѣ впередъ — было дѣломъ одной минуты. Почти до самой переправы, среди вертѣвшихся около насъ черкесокъ мелькала морская тужурка, увѣнчанная бѣлой фуражкой съ кокардой. Но вотъ одинъ осетинъ изъ джигитовавшихъ летитъ внизъ головою. Подъѣзжаемъ къ нему съ докторомъ — ничего, нигдѣ поломовъ нѣтъ: отдышится, говорятъ остальные. Дѣйствительно, отдышался и, пролежавъ нѣкоторое время, упавшій пришелъ въ себя, погрозилъ и опять сѣлъ на лошадь; мы его снова увидѣли у переправы.

Впередъ, впередъ! Надо перебраться черезъ Терекъ засвѣтло, и лихіе молоканскія четверки такъ и несутъ насъ мимо куч-

разныхъ полей, мимо многочисленныхъ стадъ, пасущихся на необозримыхъ лугахъ, уставленныхъ тысячами стоговъ сѣна и залитыхъ горячими лучами солнца, сіяющаго въ безоблачномъ небѣ. У Ардонской станицы небольшая остановка: Великій Князь принимаетъ хлѣбъ-соль отъ старика-осетина, имѣющаго около 105 лѣтъ отъ роду. Старикъ хорошо помнитъ Ермолова.

Было около 5 часовъ, когда мы подъѣхали къ Тереку. Пошла суета около ожидавшаго насъ парома. Рѣка въ этомъ мѣстѣ неширока — какихъ-нибудь десять саженей. Великій Князь и всѣ мы вышли изъ колясокъ и тотчасъ-же перебрались на другую сторону, откуда, сидя въ устроенномъ на краю крутого берега шалашѣ, наблюдали за переправой всего поѣзда. Не обошлось безъ возни съ лошадьми, часть которыхъ рѣшительно отказывалась ступить на колеблющійся паромъ. Но вотъ переправилась послѣдняя коляска и мы снова катимъ, но на этотъ разъ недолго: въ полуторахъ верстахъ отъ переправы — станція Даргъ-Кохъ, гдѣ насъ ждетъ экстренный поѣздъ.

Встрѣченный прибывшимъ изъ Тифлиса Главноначальствующимъ, Генералъ-Адъютантомъ Шереметьевымъ, и многочисленнымъ желѣзно-дорожнымъ начальствомъ Великій Князь прослѣдовалъ въ свой вагонъ, откуда вскорѣ перешелъ въ вагонъ-столовую, гдѣ былъ приготовленъ обѣденный столъ. За нѣсколько минутъ до обѣда съ переправы прискакалъ осетинъ съ извѣщеніемъ, что одинъ фургонъ свалился съ парома и унесенъ рѣкою. Тотчасъ-же послали людей и, дѣйствительно, оказалось, что лошади, запряженныя въ фургонъ съ кухнею, рванули во время переправы и свалились въ воду вмѣстѣ съ фургономъ. Изъ людей никто не упалъ; фургонъ съ вещами былъ тотчасъ-же вытащенъ, но сами кони, придавленные дышломъ, захлебнулись.

Обѣдъ продолжался довольно долго, было много тостовъ и рѣчей и въ вагонѣ становилось душно; встали изъ-за стола около 9 часовъ. Хозяева-инженеры, откланявшись Великому Князю, остались пировать и пропировали до глубокой ночи. Поѣздъ тронулся въ 11 часовъ, когда уже мы всѣ спали.

Письмо 5е.

Легли спать въ Кабардѣ, проснулись въ Чечнѣ. Ясное и жаркое утро. Вдали, на западѣ, покрытые мглою, виднѣются снѣговые вершины главнаго хребта. Ночью мы проѣхали Грозный и теперь стоимъ въ степи, неподалеку отъ станціи Устаръ-Гардой. Сотни верховыхъ чеченцевъ, въ черныхъ черкескахъ и красныхъ башлыкахъ, милиціонеровъ и вольныхъ, вытянулись вдоль дороги, по которой намъ предстоитъ ѣхать. Далѣе Устаръ-Гардое желѣзно-дорожная линія еще несовсѣмъ готова, но работъ осталось уже немного и, какъ намъ сообщаютъ инженеры, черезъ два-три мѣсяца путь отъ Владикавказа до Петровска, на Каспійскомъ морѣ, будетъ открытъ и для публики.

До завтрака прогуливаемся порядочно: солнце изрядно припекало, а идти некуда, — вокругъ ни одного деревца. Селенье Устаръ-Гардой въ полуверстѣ, но тамъ смотрѣть нечего.

Въ 12 часовъ, послѣ обильнаго завтрака, мы разсаживаемся по колескамъ и сухія крупныя почтовыя лошади, но-

гайской породы, мчатъ насъ по мяг-
кой грунтовой дорогѣ.

Солнце припекаетъ, экипажъ плавно покачивается и „спутникъ" погружается въ легкую дремоту, не прельщаясь созерцаніемъ окружающей мѣстности. Да и прельщаться-то пока нечѣмъ: кромѣ полей кукурузы, — ничего не видно. Переѣзжаемъ рѣчку Джалку (вась-тожъ), притокъ Сунжи, и, миновавъ сел. Герменчикъ, направляемся къ руслу Хулхулау, слѣдующаго притока Сунжи, берущаго начало недалеко отъ границы Дагестанской области, вдоль русла котораго лежитъ путь до самаго Ведено.

Послѣ десяти минутъ остановки въ Эрсеноѣ, почтовой станціи, гдѣ намъ перепрягаютъ лошадей, ѣдемъ дальше и выѣзжаемъ на прекрасное шоссе, выстроенное въ топоры. Дорога начинаетъ идти въ гору и по ту сторону рѣки показываются лѣса, остатки дремучихъ лѣсовъ Чечни, массовою вырубкою которыхъ было облегчено покореніе этого края.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше зелени, мелкая поросль перемежается съ лужайками, поросшими густою и темнозеленою

правою. Дорога круто спускается къ руслу рѣки; переѣзжаемъ длинный мостъ черезъ Хулхулай и тотчасъ-же взбираемся на небольшое плоскогорье, въ срединѣ котораго лежитъ Ведено, куда и въѣзжаемъ при благовѣстѣ съ колокольни небольшой крѣпостной церкви. Заходимъ въ церковь, гдѣ Великаго Князя встрѣчаетъ священникъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ, и пѣвчіе поютъ многолѣтіе Царствующему Дому. Въ исходѣ четвертаго часа мы уже въ отведенномъ намъ для ночлега обширномъ домѣ мѣстнаго управленія; менѣе чѣмъ въ четыре часа, мы сдѣлали 47 верстъ.

Нынѣшнее укрѣпленіе и слобода Ведено лежитъ въ 1/2 верстахъ отъ того мѣста, гдѣ былъ аулъ Веденъ, резиденція Шамиля въ послѣдніе годы его владычества. Совершившееся 1 Апрѣля 1859 г. занятіе Ведена нашими войсками вынудило Шамиля навсегда покинуть Чечню и удалиться въ Дагестанъ, за Андійскій водораздѣлъ. Овладѣвъ Чечнею мы пріобрѣли, наконецъ, ключъ, которымъ долженъ былъ открыть

нашей власти доступъ въ самыя ядра нагорнаго Дагестана.

Аулъ Веденъ былъ расположенъ на небольшой поляне, въ ущельи истоковъ Хулхулау, окруженномъ высокими и обрывистыми хребтами, покрытыми высоковыми лесами, следы которыхъ видны и понынѣ, и представлялъ надежное убежище, какъ по природнымъ условіямъ, такъ и по возведеннымъ около него укрѣпленіямъ. Важнѣйшимъ изъ шести возведенныхъ здѣсь отдѣльныхъ редутовъ былъ такъ называемый Андійскій, представлявшій собою ключъ позиціи. Узнавъ о сосредоточеніи и приближеніи нашихъ войскъ, Шамиль перевезъ семейство и имущество въ нагорный Дагестанъ и самъ ушелъ изъ Веденя 10 Февраля 1859 года; взявъ съ собою большую часть своей конницы и 2 орудія, онъ двинулся въ восточную Ичкерію (мѣстность по обѣ стороны р. Аксая, притока Терека), чтобы принудить тамошнихъ чеченцевъ переселиться внутрь горъ.– Оборона Веденя была ввѣрена 12 тавлинскимъ наибамъ, подъ главнымъ начальствомъ сына Шамиля, Кази-Магомы; гарнизона въ укрѣпленномъ аулѣ

было не менее 7000 человѣкъ. Начальникомъ русскаго экспедиціоннаго отряда былъ Генералъ-Лейтенантъ (впослѣдствіи графъ) Евдокимовъ.

Открытію военныхъ дѣйствій долго препятствовала распутица, затруднявшая подвозъ боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ. Лишь 17 Марта произведена была первая рекогносцировка аула. Всѣ русскія войска (13½ батальоновъ) были раздѣлены на 3 осадныхъ колонны и два резерва. 31 Марта были окончены батареи, а утромъ 1го Апрѣля открытъ съ нихъ огонь — преимущественно по Андійскому редуту, который къ вечеру обращенъ былъ въ развалины. Въ 6 часовъ вечера огонь былъ обращенъ противъ самаго аула, а андійскій редутъ, въ развалинахъ котораго еще держалась часть защитниковъ, взятъ штурмомъ. Въ 9 часовъ зажжено было жилище Шамиля, а потомъ вспыхнули и другія зданія; къ 10 часамъ аулъ и укрѣпленіе были окончательно очищены непріятелемъ, поспѣшно отступившимъ въ горы.

Таково недавнее прошлое захолустнаго и мирнаго уголка,

гдѣ мы проводимъ послѣднюю ночь, передъ вступленіемъ въ Дагестанъ. Теперь Ведено не грозный центръ земель былой Чечни, а резиденція помощника Начальника Грозненскаго Округа, и прочно ставшая среди чеченцевъ русская власть поддерживается, очевидно, не только восемью полевыми орудіями, заряжающимися съ дула, что здѣсь сложены гдѣ-то въ сараѣ.

Воздухъ необычайно мягокъ и влаженъ, но дождя нѣтъ и, стоя на обрывѣ неподалеку отъ дома, мы любуемся раскинувшимися передъ нами оврагомъ, сплошь покрытымъ густымъ лиственнымъ лѣсомъ.

Завтра придется проститься съ лѣсами и надолго: въ Дагестанѣ ихъ уже нѣтъ.

Обѣдать стали позднѣе обыкновеннаго. Поменьше дождь, выйти послѣ обѣда было нельзя, и вскорѣ всѣ отправились на покой, помышляя не безъ удовольствія о томъ, что завтра 10 Сентября конецъ нашему безостановочному движенію: по росписанію, въ лагерѣ при оз. Эзенъ-амъ проживемъ безъ малаго недѣлю.

Всю ночь шелъ дождикъ;

утромъ, по обыкновенію, уложили всѣ вещи, къ 8 часамъ, но охоты пускаться въ дальнѣйшій путь было немного. Была даже маленькая надежда на то, что Великій Князь дастъ себя устрашить мрачными докладами о состояніи дороги и о вѣроятной непогодѣ на озерѣ. Но Его Высочество не устрашился: интрига не удалась и мы полѣзли въ наши коляски. Дождикъ, правда, шелъ небольшой, но небо сплошь покрыто тучами.

Дорога пошла въ гору ущельемъ Хулхулау. До аула Хорочоя, въ 7 верстахъ отъ Ведено, подъемъ неособенно чувствительный, но за Хорочоемъ пришлось сразу подниматься по крутому и извилистому пути, проложенному надъ бездонными пропастями, и, конечно, неснабженному никакими парапетами. Къ счастью, въ гору рысью не разъѣдешься; кромѣ того, дорога сильно размокла отъ дождя и мы съ трудомъ дотащились до мѣста перепряжки (въ 16 верстахъ отъ Ведено) и завтрака.

Походный завтракъ, устроенный распоряженіемъ мѣстныхъ властей, былъ приготовленъ непосредственно у дороги, на откосѣ, откуда открывался обширный видъ на все

долину Хулхулае. Позавтракали на скорую руку и продолжали путь, но уже не въ экипажахъ, а верхомъ. Въ горахъ этотъ способъ ѣзды несомнѣнно удобнѣе и покойнѣе; конечно, для тѣхъ, кто верховою ѣздою не утомляется. Сидя на маленькомъ горномъ конѣ, надежномъ и цѣпкомъ какъ кошка, ѣздокъ невозбранно можетъ любоваться окружающими видами; возсѣдая-же въ коляскѣ, впереди ничего не видишь, кромѣ спины ямщика, обладающаго порою сомнительными кучерскими познаніями и которому ввѣряешься волей-неволею, а съ часу — или стѣну, или пропасть, и съ замираніемъ души слѣдишь за наружнымъ переднимъ колесомъ, проходящимъ порою въ самомъ ничтожномъ разстояніи отъ края дороги. Вотъ тутъ и заносишь въ память впечатлѣнія, производимыя окружающими видами! Въ тѣсныхъ мѣстахъ творишь молитву, а тамъ, гдѣ дорога пошире и душѣ полегчаетъ, недаромъ хвалишь инженеровъ, дѣлающихъ ограженія на парапетахъ. Что дѣлать, слабость духа человѣческаго!

Кстати о парапетахъ. Наѣздившись досыта по узкимъ и ничѣмъ неогражденнымъ доро-

стинскимъ дорогамъ мы какъ-то пристали съ разспросами по этому предмету къ сопутствовавшему намъ инженеру Султанову, прося его разъяснить намъ, въ силу какихъ таинственныхъ соображеній парапеты попадаются, и то въ видѣ исключенія изъ общаго правила, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никакой нужды въ нихъ нѣтъ, и блещутъ отсутствіемъ именно тамъ, гдѣ экипажамъ легче всего слетѣть въ кручу. Не посвятивъ насъ полностію въ тайны путейскаго дѣла, С. всетаки разъяснилъ слѣдующее: тамъ, гдѣ при прокладкѣ дороги оказывается камень, изъ послѣдняго выводится парапетъ непосредственно на мѣстѣ выемки, нужно-ли то, или нѣтъ - вопросъ второстепенный; если-же дорога проводится надъ крутизною, или дѣлаетъ крутой заворотъ, а камне подъ рукою не имѣется, - парапетъ не воздвигается. „Впрочемъ, послѣднимъ, прибавилъ С., этими, чисто хозяйственными соображеніями, мы руководимся лишь при прокладкѣ и ремонтѣ дорогъ II и III разряда, гдѣ ѣзда сравнительно небольшая“.

Утѣшительно! Горныхъ дорогъ перваго разряда имѣется на Кавказѣ лишь одна, Военно-Грузинская. Путешествующіе-же по

Литографія А. Якобсона (В.О. 7 л., № 4).

нагорными частями Дагестана и Терской области поручаются путейскими властями милости уездниковъ и могутъ себѣ ломать шею на законномъ основаніи, не нарушая душевнаго покоя инженеровъ.

Отъ мѣста завтрака до Крокетскаго перевала около 16 верстъ; ѣдемъ все въ гору, перемѣнными аллюрами и достигаемъ перевала въ началѣ третьяго часа. Вотъ онъ, Дагестанъ! Хотя мы еще въ Терской области — граница ея впереди, внизу, пересѣкаетъ озеро — но характеръ мѣстности измѣнился совершенно: справа, слѣва и впереди разстилаются безлѣсные горы, покрытые подлежащею луговою растительностью.

Мы на Андійскомъ водораздѣлѣ, на высотѣ 7370 футъ надъ уравненіемъ моря. Внизу, окруженные съ трехъ сторонъ крутыми горами, виднѣются темнолазуревые неподвижные воды Эзеньамскаго озера. Въ ближайшемъ къ намъ углу къ нему примыкаетъ небольшое торфяное болотце, ярко-зеленое, по которому извивается впадающій въ озеро узкій ручеекъ. Къ этому концу озера и ведетъ безчисленными извилинами дорога съ перевала.

Отдохнувъ минутъ десять и

прочитавъ на обломкахъ когда-то цѣльнаго памятника, что здѣсь проѣзжалъ въ 1871 году Императоръ Александръ II, мы начали спускаться къ озеру; многіе изъ провожающихъ насъ всадниковъ спѣшились и пошли на перерѣзъ извилинъ дороги. Черезъ полчаса мы были уже внизу, гдѣ Великаго Князя ожидали Военный губернаторъ Дагестанской области, Князь Чавчавадзе, помощникъ его, Генералъ-Маіоръ Тихоновъ, начальникъ Андійскаго округа, полковникъ Кн. А., и сотни двѣ конныхъ лезгинъ въ бѣлыхъ и черныхъ черкескахъ съ неизмѣнными красными башлыками. Пестрота собравшейся массы людей особенно рѣзко выдѣлялась на зелени луга и оживляла однообразный тонъ всей окружающей мѣстности. Послѣ краткой остановки Великій Князь тронулся дальше въ путь и мы проѣхали сначала между выстроившимися по обѣ стороны дороги лезгинами. То, что мы увидѣли по части черномазыхъ физіономій, крашеныхъ густыхъ бородъ, оттопыренныхъ плотно надвинутыми мѣховыми шапками ушей, — не поддается описанію! Хорошо, что Дарвинъ не бывалъ въ Дагестанѣ, а то-бы онъ непремѣнно нашелъ

новые, вѣскія доказательства, которыми пожалуй разбить-бы въ прахъ противниковъ его ученіе о происхожденіи человѣка. Лишь только поѣздъ нашъ миновалъ эти живыя шпалеры, послѣднія заколыхались: всадники построились по два, по три въ рядъ и двинулись за нами пестрою лентою извиваясь по узкой дорогѣ, карнизомъ проложенной по крутому, почти отвѣсному берегу озера. Версты четыре мы ѣхали такою дорогою, поднимаясь, порою, довольно высоко надъ уровнемъ воды, цвѣтъ которой вблизи уже не лазуревый, а желтоватый, затѣмъ прямо спустились къ лагерю, устроенному въ концѣ озера, на пологомъ берегу, у самой дороги.

Особенно радовался прибытію на мѣсто нашъ гофмаршалъ. Испытывая умѣренное удовольствіе отъ верховой ѣзды, онъ отъ самаго мѣста завтрака ѣхалъ въ экипажѣ и, для большей безопасности, пристраивался въ коляску начальника почтоваго округа Ш. Разсчеты его не оправдались: онъ мнилъ найти успокоеніе въ близости послѣдняго, какъ отвѣтственнаго за экипажи и лошадей лица, а оказалось,

что они оба прошли черезъ цар-скія муки: втеченіе всего вре-мени пути, вывихнувъ одинъ пра-вую, другой лѣвую ноги, они имѣ-ли одну лишь заботу — заблаго-временно выскочить изъ коляски такъ, чтобы потомъ на дорогѣ и остаться, а не катиться, по инерціи, въ кручу.

Письмо 6е.

О шестидневномъ пребываніи нашемъ въ лагерѣ при Дзенъ-амъ многаго разсказать не приходится: закусывали, завтракали и обѣ-дали вплотную и въ свободное отъ ѣды время катались въ лодкахъ (нарочно привезенныхъ изъ Пе-тровска) и ловили рыбу, форель, въ изобиліи находящуюся въ озерѣ. Удачнѣе всѣхъ ловилъ самъ Ве-ликій Князь. По вечерамъ играли въ карты, а въ 10½ час. вечера всѣ отправлялись на покой. Раза два съѣздили поохотиться на курочекъ и настрѣляли нѣ-сколько штукъ; но отъ охоты на спеціальную дагестанскую дичь — горныхъ индюшекъ — бла-

неразумно отказался: охотиться за ними можно только съ подхода, а хорошъ подходъ, когда приходится, въ виду крутизны склоновъ, ползти чуть не на четверенькахъ, да еще на высотѣ 8-9 тысячъ футъ! Впрочемъ мы не были лишены удовольствія видѣть и даже ѣсть этихъ вольныхъ обитательницъ дагестанскихъ горъ; мѣстные жители, стрѣляющіе ихъ пулями изъ одноствольныхъ кремневыхъ ружей (понятіе скорострѣльнаго оружія дагестанцамъ не разумѣется) ежедневно приносили ихъ въ лагерь цѣлыми партіями.

Вообще время провели спокойно, наслаждаясь удивительно чистымъ воздухомъ, превосходною погодою и сознаніемъ, что нѣтъ необходимости, вставая рано утромъ съ постели, торопиться уложить вещи и ѣхать дальше. Прогулокъ пѣшкомъ было немного, да и ходить было некуда, — либо къ озеру, либо дальше по дорогѣ, по которой намъ предстояло ѣхать далѣе, вглубь Дагестана.- Мѣстность разнообразіемъ не отличалась: со всѣхъ сторонъ горы, покрытыя подлежащею луговою растительностію, по которымъ частью заросли;

лѣсныхъ насажденій — никакихъ, если не считать натыканныхъ рядами около палатки нѣсколькихъ кривыхъ сосенокъ, подвезенныхъ откуда-то издалека. Вся оригинальность нашей лагерной стоянки заключалась въ пребываніи у берега озера, расположеннаго на высотѣ около 6500 футъ надъ уровнемъ моря.

Сознаюсь откровенно, любезный другъ, что приступая къ описанію видѣнныхъ нами мѣстностей Дагестана, испытываю немалыя затрудненія. Немного пришлось-бы сказать, если-бы я пожелалъ ограничиться лишь личными впечатлѣніями, такъ какъ, кромѣ безлѣсныхъ горъ, ауловъ, странно похожихъ другъ на друга ущелій, котловинъ и узкихъ дорогъ, ничего не видѣлъ, или, вѣрнѣе, не усмотрѣлъ. Поэтому прибѣгаю къ найденной мною у Надеждина („Опытъ Географіи Кавказскаго края"), довольно вѣрной общей характеристикѣ нагорнаго Дагестана.

„По изслѣдованіямъ Абиха, Дагестанская страна оказывается не боковыми отрогами главнаго Кавказскаго хребта, а особенною горною системою, которая поднята въ сѣверо-восточномъ на-

правленій и образовалась по образцу котлообразныхъ долинъ. Вмѣстѣ съ примыкающимъ къ ней Кавказомъ, она представляетъ два реда котловинъ — гигантскую естественную крѣпость.

По общему виду поверхности Дагестанъ относится къ числу самыхъ гористыхъ мѣстностей земнаго шара. Онъ заключаетъ въ себѣ только одну низменность, лежащую вдоль Каспійскаго моря; равнины встрѣчаются только на вершинахъ плоскогорій и занимаютъ самое незначительное пространство. Остальныя пространства состоятъ изъ хаоса горъ, почти сплошь безлѣсныхъ, каменистыхъ, окрашенныхъ или въ бурый цвѣтъ съ фіолетовыми оттѣнками, или подернутыхъ сизоватою дымкою. Дагестанскія горы представляютъ множество ломаныхъ линій и почти нигдѣ круглой. Гребни этихъ горъ большею частью узкіе, склоны обрывистые и скалистые. Всѣ рѣки текутъ въ глубокихъ и узкихъ ущельяхъ съ отвѣсными скалистыми боками. Эти ущелья нигдѣ не расширяются настолько, чтобы ихъ можно было назвать долинами (за исключеніемъ долины

Самурской (*).

Поверхность Дагестана имѣетъ замѣчательную особенность: главнѣйшіе горные хребты простираются съ сѣверо-запада на юго-востокъ, частью съ запада на востокъ; между тѣмъ четыре изъ пяти главныхъ рѣкъ, Андійское, Аварское, Кази-Кумухское и Кара-Койсу, текутъ прямо въ перпендикулярномъ направленіи, т. е. съ юго-запада на сѣверо-востокъ, или-же съ юга на сѣверъ. Это своеобразное явленіе геологи пытаются объяснить тѣмъ, что въ образованіи рельефа Дагестана участвовали силы, дѣйствовавшія по двумъ главнымъ направленіямъ: съ сѣверо-запада на юго-востокъ и съ юго-запада на сѣверо-востокъ; результатомъ первыхъ было образованіе важнѣйшихъ горныхъ хребтовъ въ направленіи перпендикулярномъ къ ихъ протяженію. Эти изломы имѣютъ видъ глубокихъ трещинъ, въ которыхъ текутъ четыре Койсу".

Удивительно-ли поэтому, что послѣ странствованій нашихъ именно въ области помянутыхъ четырехъ рѣкъ, съ ихъ многочислен-

---

(*) Рѣка Самуръ вытекаетъ съ восточныхъ склоновъ горы Сари-Дагъ и впадаетъ въ Каспійское море немного южнѣе Дербента.

нѣми притоками, въ памяти остается лишь общее впечатлѣніе спусковъ, подъемовъ, перевaловъ и ущелій! Однообразіе раскрывавшихся за время нашихъ переѣздовъ видовъ, — (я конечно не говорю о мѣстахъ дневокъ, гдѣ глазъ присматривался къ окружающей мѣстности и о которыхъ поэтому сохранилось болѣе ясное воспоминаніе) — усугублялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что дорога почти всегда пролегала въ ущельяхъ, на большей, или меньшей высотѣ надъ ложемъ текущихъ въ этихъ ущельяхъ горныхъ рѣкъ и потоковъ, или спускалась къ самому ложу.

Не менѣе однообразны и затрудненія ѣзды при перевалахъ изъ одного ущелья въ другое: дорогу нѣтъ возможности проложить иначе, какъ зигзагами, иногда въ нѣсколько десятковъ поворотовъ и на самомъ незначительномъ разстояніи. — Трусясь по такой дорогѣ сплошь да рядомъ приходилось не видѣть впереди ничего, кромѣ заворота вправо, или влѣво и пустого пространства.

Я забѣжалъ впередъ, описывая общій видъ нагорнаго Дагестана, тогда какъ мы стоимъ еще лишь у входа въ него. Но

мнѣ хотѣлось уже за одно покончить съ трудною для меня задачею отдѣлить общее впечатлѣніе, произведенное хаосомъ изломанныхъ во всѣхъ направленіяхъ горныхъ хребтовъ, среди которыхъ мы провели болѣе двадцати дней. И впечатлѣніе это, несмотря на суровость мѣстности, мрачнымъ назвать нельзя: природа въ совокупности всѣхъ ея явленій, всегда и всюду красива и если, въ теченіи многихъ дней, мы видѣли лишь море скалистыхъ горъ, то и любовались также волшебнымъ освѣщеніемъ ихъ лучами или восходящаго, или заходящаго, неизмѣнно свѣтлаго солнца.

На другой день пріѣзда нашего въ лагерь при Дзеньошѣ получена была агентская телеграмма съ первыми извѣстіями о гибели броненосца „Русалка". Эта грустная новость послужила предметомъ оживленныхъ толковъ среди нашего общества, состоявшаго главнымъ образомъ изъ моряковъ; подробностей не сообщалось (онѣ такъ и остались неизвѣстными, какъ впослѣдствіи оказалось), а потому всевозможнымъ предположеніямъ о причинѣ

гибели судна не было конца. Профанъ въ морскомъ дѣлѣ, я только слушалъ разсужденія нашихъ спутниковъ-моряковъ, пытавшихся выяснить главнымъ образомъ вопросъ о томъ, погибла-ли „Русалка" вслѣдствіе своего неудовлетворительнаго состоянія, благодаря которому она не выдержала шторма въ открытомъ морѣ, или-же разбилась о камень, и, въ послѣднемъ случаѣ, какъ могло случиться, что не спасся ни одинъ человѣкъ! Или-же ветхое судно, заливаемое бушующими волнами, въ одно мгновеніе перевернулось и затонуло?... Всѣхъ насъ, моряковъ и не моряковъ, одинаково ужасало представленіе о погребеніи заживо сотенъ людей въ теченіи короткаго, но безконечно мучительнаго для нихъ срока и долго мучила присущая человѣку потребность искать въ возмездіи успокоеніе встревоженной и возмущенной души... Такъ и здѣсь, во всѣхъ толкахъ и разсужденіяхъ о случившемся несчастьѣ, проглядывало прежде всего желаніе отыскать виновнаго въ гибели массы людей и увидѣть, какъ на него обрушатся всѣ законы и чело-

вѣческія карты. Судьбы Провидѣнія неисповѣдимы, а законы и явленія природы еще далеко не всѣ извѣстны человѣку, а потому гибель судна должна считаться явленіемъ обычнымъ; но вступая въ борьбу съ такими неравными силами люди должны по крайней мѣрѣ приложить всѣ наличныя познанія и до послѣднихъ мелочей, подъ страхомъ не только служебной, но и нравственной отвѣтственности, исполнивъ все то, что ими-же выработано ради успѣшной борьбы съ грозною стихіей. Такъ-ли было въ данномъ случаѣ? That is the question! Отъ копѣечной свѣчи загорѣлась вся Москва, а тутъ цѣлое судно съ сотнями людей погибло изъ-за пустого, быть можетъ, но во всякомъ случаѣ, для такого дѣла, какъ морское, преступнаго недосмотра.

Кромѣ катастрофы съ „Русалкою", предметомъ нашихъ застольныхъ бесѣдъ были, большею частію, разспросы у представителей мѣстной власти о Дагестанѣ и его жителяхъ (Я намѣренно обозначилъ бесѣды застольными, такъ какъ въ промежутки между трапе-

заванiемъ обычныхъ разговоровъ было немного: тѣ изъ путниковъ, которые не ловили рыбу, обыкновенно мирно почивали на своихъ кроватяхъ, что образно называли чтенiемъ газетъ). Почерпнутыя нами такимъ путемъ свѣдѣнiя, я не рѣшаюсь, впрочемъ, заносить въ скрижали, такъ какъ они большой связи не имѣютъ; разспросы и отвѣты носили отрывочный анекдотическiй характеръ, удовлетворявшiй нашему любопытству въ данную минуту — и только. Оно и понятно: мы путешествовали не какъ изслѣдователи страны, а какъ удовлетворяющiе нѣкоторое любопытство туристы, одной изъ главныхъ задачъ которыхъ было прiятное препровожденiе времени. Задача эта была вполнѣ достигнута: бесѣды наши были оживленны и полны интереса, благодаря любезности и неисчерпаемому запасу свѣдѣнiй о Дагестанѣ Князя Чавчавадзе и Генерала Тихонова. Послѣднему особенно доставалось отъ нашихъ разспросовъ: вмѣстѣ съ указанiями на этимологическiе корни Аварскаго и иныхъ многочисленныхъ нарѣчiй дагес-

станцевъ, ни административные порядки, ни нравы лезгинъ и т.п., ему приходилось сообщать и о томъ, гдѣ растутъ лучшіе персики и гдѣ больше всего курочекъ.

Но, какъ и всему, спокойному пребыванію нашему у Дзенъ-алла наступилъ конецъ. Сколько мнѣ извѣстно, перемѣнѣ квартиры особенно радовались Х. и В., благо прочихъ зябшіе по ночамъ въ тоненькихъ солдатскихъ палаткахъ. И начало было, дѣйствительно, весьма прохладно.

16го Сентября, послѣ завтрака, мы оставили лагерь. Потянулась вереница экипажей въ сопровожденіи сотни всадниковъ съ заводными конями, на которыхъ намъ в[п]ереди предстояло пересѣсть. Проѣхали расположенный въ 1½ верстахъ отъ Дзенъ-алла аулъ Хой, невзрачный и крайне унылаго вида, благодаря отсутствію малѣйшаго деревца, миновали мусульманское кладбище съ высокими шестами (разставленными надъ могилами убитыхъ во время Шамилевской войны) и начали подниматься на Картмегскій перевалъ. Подъемъ былъ труденъ и лошади медленно тащили наши коляски. Немного недоѣзжая до верха, увидѣли озерко, такъ называемое „малое форельное",

расположенное на небольшомъ плоскогорьѣ, и затѣмъ ровно въ часъ пополудни достигли перевала. Передъ нами раскрылся обширный видъ на долину Андійскаго Кой-су; далеко внизу, почти непосредствен-но подъ нами, освѣщенные яркими лучами полуденнаго солнца видне-лись зеленые садики Ботлиха, среди которыхъ мелькали красныя кры-ши зданій Окружного Управленія. Безчисленными и короткими зиг-загами извивалась дорога, по ко-торой намъ предстояло спу-скаться, и многіе изъ насъ пред-почли ѣхать верхомъ. Великій Князь часть спуска сдѣлалъ въ коляскѣ, а затѣмъ пересѣлъ на лошадь, которую не оставилъ до самаго Ботлиха, куда мы прибы-ли въ 3 часа пополудни. Встрѣ-тившій у воротъ укрѣпленія караулъ, состоявшій изъ нѣсколь-кихъ молоденькихъ солдатиковъ гаркнулъ было, въ отвѣтъ на привѣтствіе Его Высочества: Здрав.... жел...! но спутался, раз-дались два три отрывочныхъ звука и все быстро смолкло. Бѣд-ные солдатики — сконфузились! Да и немудрено: часто-ли имъ при-ходится привѣтствовать Вы-сочайшихъ Особъ? А тутъ два дѣла: и „ѣсть начальство гла-зами (да какое начальство!, и

отчеканивать въ такихъ уставные слова. Самочувствіе и не выдержало: Царскаго Сына они глазами дѣйствительно ѣли, но съ робостью въ то-же время справиться не могли!...

Спустившись, Великій Князь, пошелъ въ церковь, гдѣ ожидалъ священникъ въ облаченіи; и, послѣ краткаго молебна, всѣ мы направились къ отведенному намъ дому Начальника Округа, князя А. Да, это не конурки и палатки Эзенъ-амскаго лагеря, — думалось намъ при входѣ въ просторные и прекрасно убранные комнаты квартиры Окружнаго начальника. О., М. и я помѣстились вмѣстѣ; оба моихъ товарища, недолго думая, разлеглись по кроватямъ и вскорѣ дуэттино „носовыхъ завертокъ" положило конецъ начатому было обмѣну впечатлѣній о совершенномъ переѣздѣ.

Кстати объ О. и М.; за все время нашего путешествія и несмотря на мѣнявшіяся по требованію маршрута часы передвиженій, эти два спутника изловчились настолько, что всегда находили время и мѣсто предаться послѣполуденному сну, продолжавшемуся насколько позволяли обстоятельства.

Ботлихъ — административный центръ Андійскаго Округа, располо-

ожень въ ущельи Андійскаго Кой-су на лѣвомъ берегу рѣки, но довольно далеко и высоко надъ нею. Непосредственно у аула возведено небольшое укрѣпленіе, въ оградѣ котораго находится домъ окружнаго начальника, церковь и казармы, занятыя въ данное время ротою Аварскаго резервнаго баталіона. Укрѣпленіе выстроено было на скорую руку въ 1877 году, незадолго до начала послѣдней турецкой компаніи и теперь стѣны его приходятъ въ ветхость. Обстоятельство это, равно и наличность лишь двухъ небольшихъ пушекъ стараго образца, нимало не озабочиваетъ мѣстныхъ властей, спокойно управляющихъ мирнымъ населеніемъ. Не только въ Андійскомъ округѣ, но и во всемъ Дагестанѣ безопасность переѣздовъ полнѣйшая и случаевъ сопротивленія властямъ не бываетъ и, положимъ, отсутствіе грозныхъ крѣпостей и наличность удобныхъ путей сообщенія вѣрнѣе и миротворнѣе дѣйствуютъ на жителей, извѣдавшихъ уже съ давнихъ поръ силу русскаго оружія и недавно еще (во время послѣдней турецкой войны) убѣдившихся въ безполезности возстаній.

Въ 3 верстахъ отъ Ботлиха, у знаменитаго моста, перекинутаго

черезъ Андійское Койсу, имѣется другое небольшое укрѣпленіе, Преображенское, построенное въ 1859 году распоряженіемъ Князя Барятинскаго незадолго до окончательнаго покоренія Дагестана; нынѣ въ немъ лишь одна мортира, а стѣны еле держатся, какъ сообщилъ Князь А.

Въ теченіе почти мѣсячнаго пребыванія нашего въ Дагестанѣ мы часто бесѣдовали съ представителями мѣстной власти по вопросу объ отношеніяхъ къ ней населенія, по духу крайне воинственнаго и свободолюбиваго и упорно боровшагося за свободу и пророка. Изъ всего нами разсказаннаго можно придти къ слѣдующему заключенію.

Установленное въ краѣ военно-народное управленіе внесло порядокъ въ общественную жизнь многочисленныхъ и порою враждовавшихъ другъ съ другомъ племенъ, населяющихъ Дагестанъ. Андійцы, Аварцы, Кумыки, Кази-Кумухцы и другіе — каждый изъ этихъ народовъ пришелъ къ сознанію, что подъ сѣнью русской власти онъ можетъ мирно проживать въ родныхъ горахъ, соблюдая всѣ свои обычаи и свободно исповѣдуя свою вѣру. Живя близко къ при-

родъ и вдали отъ того, что принято называть благами цивилизаціи, народы эти не лишены извѣстныхъ нравственныхъ качествъ, среди которыхъ вѣрность слову, повиновеніе установленнымъ властямъ и самоотверженность при исполненіи долга занимаютъ не послѣднее мѣсто. Но всѣ они мусульмане и взрывъ религіознаго фанатизма, по подстрекательству извнѣ (какъ то было въ 1877 г.) всегда возможенъ, а потому еще долго намъ слѣдуетъ быть всегда наготовѣ. Храбрые и привыкшіе къ дисциплинѣ воины, отнюдь не разбойники, или грабители по ремеслу, Аварцы и проч. народы нагорнаго Дагестана безусловно повинуются распоряженіямъ поставленныхъ непосредственно надъ ними окруженныхъ начальниковъ изъ офицеровъ. Но стоило, во время послѣдней турецкой войны, появиться тайнымъ эмиссарамъ изъ Константинополя (прежнимъ былецамъ изъ Дагестана) съ воззваніемъ къ священной войнѣ — и многіе селенія тотчасъ-же возстали. Ни отбитъ мирной и благополучной жизни втеченіе почти двадцати лѣтъ, ни увѣщанія властей, ни даже сод-

ственное сознаніе въ неравенствѣ силъ — ничто не помогло: возстаніе вспыхнуло. Оно было подавлено безъ труда, но наглядно доказало непреложную истину о существованіи пропасти, ничѣмъ незаполненной, между христіанскимъ и мусульманскимъ міромъ, для котораго мы всегда были и останемся чужими. Что въ концѣ концевъ мы справимся и съ дагестанцами и съ иными мусульманами, населяющими наши окраины, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но слѣдовало-бы остерегаться излишняго увлеченія весьма распространившимися за послѣднее время хвалебными отзывами о мусульманахъ вообще, о чистотѣ ихъ нравовъ, которой противопоставляется испорченность христіанскихъ племенъ, живущихъ при одинаковой обстановкѣ и т. п. При крѣпкой связи всѣхъ мусульманъ между собою, это увлеченіе можетъ впослѣдствіи обойтись весьма дорого.

Въ Ботлихѣ мы встрѣтили трехъ гвардейскихъ офицеровъ, предпринявшихъ небольшое путешествіе по Дагестану. — Явленіе, къ сожалѣнію, весьма рѣдкое: туристы на

Кавказъ почти исключительно иностранцы.

Обѣдали въ просторной комнатѣ, окна и двери которой выходили на террассу, заросшую вьющимися растеніями. — Послѣ обѣда посидѣли немного на террассѣ, затѣмъ поиграли въ неизмѣнный лу и въ половинѣ одиннадцатаго отправились на покой. Ночь была необычайно теплая, но окна въ комнатахъ, гдѣ мы ночевали, изъ опасенія довольно злой, какъ говорятъ, Боржомской лихорадки, пришлось закрыть.

Письмо 7е.

На другой день, 17 Сентября съ 7 часовъ утра все уже было готово къ отъѣзду. До Хунзаха, мѣста новой стоянки, надо было добраться засвѣтло, а путь предстоялъ не малый, около 65 верстъ.

Въ 8 час. Великій Князь заѣхалъ проститься къ Губернатору, Князю Чавчавадзе, болѣзнь котораго вынудила его

остановясь на несколько дней въ Ботлихъ, и, выйдя отъ него черезъ пять минутъ, тотчасъ-же сѣлъ въ коляску.

Выѣхавъ изъ воротъ укрѣпленія мы сразу-же завернули въ улицу аула, поколесили, недолго впрочемъ, между саклями и небольшими садиками, среди которыхъ возвышались великолѣпные экземпляры орѣховыхъ деревьевъ, и вскорѣ очутились среди каменистыхъ совершенно старыхъ пригорковъ. Отъ Ботлиха до Тлоха путь вначалѣ не представляетъ ничего интереснаго. Первые девять верстъ то подымаешься, то опускаешься по дорогѣ, идущей карнизомъ по пустынному, лишенному рѣшительно всякой растительности склону. Надо сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Дагестанѣ, т. е. съ Керкетскаго перевала, во время переѣздовъ, кромѣ горъ и неба ничего не видимъ; но здѣсь горы не давятъ, несмотря на ихъ нагроможденіе, такъ какъ, за немногими исключеніями, передъ нами всегда разстилаются обширные горизонты.

Отъѣхавъ отъ Ботлиха

около 9 верстъ, мы спустились къ руслу Андійскаго Койсу и поѣхали вдоль кукурузныхъ полей, смѣнявшихся, по мѣрѣ приближенія къ расположенному на пути аулу Моно, виноградниками и фруктовыми садами. Кстати о виденныхъ нами въ нагорномъ Дагестанѣ поляхъ. Пахатныхъ земель въ этомъ краѣ самое ничтожное количество; для увеличенія его жители прибѣгаютъ къ искусственному созданію полей въ видѣ террассъ, прислоненныхъ къ склонамъ горъ. - Огораживая каменными стѣнами четырехугольное пространство, они носятъ туда на вьюкахъ или даже на собственныхъ спинахъ плодородную землю и разводятъ фруктовые сады, или пахатныя поля; но нерѣдко этотъ съ трудомъ созидаемый клочекъ земли уничтожается камнемъ, или снѣговымъ обваломъ, или сносится горнымъ потокомъ во время таянія снѣговъ. О томъ, что эти поля и сады при сухости климата нагорнаго Дагестана, нуждаются кромѣ того въ постоянномъ

орошеніи – и говорить нечего.

Версты 12 мы ѣхали ровною дорогою вдоль лѣваго берега рѣки, съ одной стороны которой высились голые горы; лишь съ правой стороны, на самой вершинѣ ярко блестѣвшаго на солнцѣ хребта, виднѣлось небольшое пространство, покрытое лѣсною порослью.

Къ 11 часамъ мы подъѣхали къ мосту, перебрались черезъ него на правый берегъ рѣки и тотчасъ-же вышли изъ экипажей. У самого моста Великаго Князя ожидалъ Начальникъ Аварскаго округа, Кн. Вахваховъ, распоряженіемъ котораго приготовленъ былъ завтракъ въ великолѣпно убранномъ мѣстнаго издѣлія коврами шатрѣ, на самомъ краю крутого берега рѣки. Простой, но удивительно вкусный завтракъ, состоявшій изъ отварной баранины, плова и фруктовъ и политый отличнымъ Кавказскимъ виномъ, привелъ насъ въ самое благодушное настроеніе. Тостамъ, веселымъ возгласамъ и разсказамъ не было конца. За столомъ просидѣли около полу-

тора часа, послѣ чего весь усѣ-
лись верхомъ и тронулись въ
путь къ Хунзаху, до кото-
раго по колесной дорогѣ счи-
тается 48 верстъ; намъ-же
предстояло ѣхать сокращен-
нымъ путемъ около 36 верстъ,
и потому, долго не задумы-
ваясь, мы съ мѣста полѣзли
на какую-то, чуть не от-
вѣсную, гору. Лезгинскія ло-
шади — просто козы: тя-
нутся въ гору — не запы-
хиваются, спускаются шагъ
за шагомъ по страшно кру-
тымъ и каменистымъ тро-
пинкамъ — никогда не оста-
навливаются и просто не знаютъ
устали. Слѣдуетъ прибавить,
что это насъ только очень
медленно и осторожно спу-
скали съ горы: сами-же лез-
гины, въ случаѣ нужды, не-
взирая скачутъ и подъ го-
ру и въ гору, чему намъ не-
однократно приходилось быть
свидѣтелями. Третій день,
съ самаго Кодуттеческаго пе-
ревала, мнѣ служитъ чуд-
ной конекъ, принадлежащій
одному наибу, надежный,
смирный и удивительно вы-
носливый. О выносливости его
можно составить себѣ поня-

тіе, если вспомнить, что переходъ отъ Ботлиха до Хунзаха, т. е. 65 верстъ, онъ совершилъ почти безъ отдыха, бывшаго къ тому-же рысью за этими лошадками первые 24 версты. При мнѣ былъ нукеръ, какого-то рѣдкаго физіономіи, съ которымъ я ни на одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ языковъ объясниться не могъ; кромѣ своего андійскаго нарѣчія, онъ не зналъ никакого другого, даже адербейджанскаго, довольно распространеннаго въ Дагестанѣ. Эти нукеры совершенно какъ невидимки: сойдешь съ лошади, – онъ тутъ какъ тутъ, изъ земли выросъ, а между тѣмъ ѣдетъ гдѣ-то сзади, въ густой толпѣ сопровождающихъ насъ всадниковъ.

Погода была дивная, солнце ярко освѣщало всю мѣстность и видимую часть пройденнаго нами пути, подъема, по которому, какъ червь, извивалась вереница сопровождавшихъ насъ конныхъ аварцевъ, милиціонеровъ съ красными башлыками и сотенъ въ разноцвѣтныхъ черкескахъ.

И наша компанія растянулась: Великій Князь отъѣхалъ нѣсколько впередъ, а мы съ О. и съ инженеромъ С. остались позади, въ головѣ конвоирующей насъ конницы. Туземные съ нами всадники попросили позволенія пѣть и играть, что было имъ тотчасъ-же разрѣшено. Забилъ барабанъ, заиграла зурна (рожокъ изъ древесной коры съ тремя-четырьмя дырочками) и кто-то затянулъ теноромъ на невѣроятныхъ высяхъ. Отъ этой музыки, про которую можно лишь сказать, что она своеобразна, мы уже не избавились за все время пути. Охъ эта зурна, неизмѣнная спутница во всѣхъ нашихъ поѣздкахъ по Дагестану! Ея сухой и рѣзкій звукъ до сей поры раздается въ ушахъ и, полагаю, не у одного меня, а у всѣхъ насъ.

Узкая вьючная дорога немного пошире и горовые лезгины начинаютъ джигитовать, скачутъ, сидя на лошади задомъ наперёдъ, стоя на головѣ, опускаясь на всемъ скаку до земли;

вскакивая, соскакивая и т. п. и все это продѣлывается на горахъ, по дорогамъ, которыя иначе, какъ головоломными — не назовешь, съ беззавѣтною лихостью и щегольствомъ, даже съ граціею, которою особенно отличался одинъ изъ нукеровъ, Османъ, оказавшійся впослѣдствіи немѣнее ловкимъ и граціознымъ танцоромъ. Этимъ людямъ, во время джигитовки по каменистой дорогѣ несомнѣнно рискующимъ головою, безъ нужды, а лишь подъ вліяніемъ извѣстнаго настроенія — жизнь копѣйка и право, глядя на нихъ, зарождается какое-то иное міровоззрѣніе, много различное отъ того, съ которымъ расхаживаешь по мощенымъ улицамъ европейскаго города, среди суетливо и однообразно движущейся толпы. Невольно думается, что европейская культура этимъ дѣтямъ суровыхъ горъ ничего не дастъ, да они ея и не ищутъ.

Какъ-бы то ни было, но ѣзда при такой обстановкѣ особенно всѣхъ настроила. А тутъ неожиданная остановка въ аулѣ

Хорахи, гдѣ намъ обѣщаютъ чай. Слѣзаемъ съ коней, входимъ на галлерею обширной сакли и въ одно мгновеніе толпа лезгинъ и лезгинокъ въ праздничныхъ платьяхъ заняла расположенную подъ галлереею площадку и пошли танцы.

Вотъ она, настоящая лезгинка! Что за жизнь, что за удальство! какъ женщины плавно и граціозно выступаютъ въ своихъ длинныхъ шелковыхъ платьяхъ, съ широкими, раструбомъ, рукавами! Головной уборъ ихъ неособенно красивъ — обыкновенный, большихъ размѣровъ, цвѣтной платокъ, складываемый треугольникомъ и охватывающій и плечи, но у танцующей женщины недостатокъ этотъ искупается необыкновеннымъ изяществомъ движеній ея рукъ, то поднятыхъ высоко надъ головою, то вытянутыхъ впередъ, или вбокъ.

Мужчины ловко и стройно продѣлываютъ труднѣйшія па, красиво переводя руками, заслоняютъ, напримѣръ, лицо про-

вымъ локтемъ, далеко отки-
дывая назадъ левую руку,
или-же наоборотъ. Пары
быстро смѣняясь одна дру-
гою, танцовали и отдѣльно
мужчины, продѣлывавшіе
уже всевозможные акроба-
тическіе, а нетолько хоре-
графическіе трудности, и
мы не могли оторвать глазъ
отъ зрѣлища, полнаго не-
обычайнаго оживленія и но-
визны. Многіе изъ насъ вол-
новались порядочно, а, вос-
торгаясь видѣннымъ, не на-
ходили словъ, чтобы точно
выразить переживаемыя
впечатлѣнія. Впослѣдствіи,
лезгинка и фокусы, продѣ-
лываемые во время тан-
цевъ мужчинами, намъ да-
же пріѣлись, но я убѣжденъ,
что у всѣхъ насъ сохранят-
ся въ памяти впечатлѣнія,
испытанныя за время ко-
роткой остановки въ Хо-
рахахъ.

Снова сѣли на лошадей
и поѣхали дальше, перебра-
лись черезъ перевалъ горы
Маттаса, миновали нѣ-
сколько ауловъ и выбрались на
плоскогорье, по которому пред-
стояло ѣхать до самаго Хунзаха.

Опять новыя впечатлѣнія, но на этотъ разъ болѣе спокойныя: наслаждаемся чуднымъ воздухомъ, любуемся безпредѣльною далью горъ, освѣщаемыхъ заходящимъ солнцемъ, и весело рысимъ по мягкой луговой дорогѣ. Сумерки надвигаются быстро, становится свѣжо и мы надѣваемъ на себя бурки. Уже стемнѣло порядочно, когда мы подъѣхали къ ожидавшимъ Великого Князя и выстроившимся вдоль дороги двумъ сотнямъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, съ командиромъ полка, полковникомъ К., во главѣ и съ хоромъ музыкантовъ. Его Высочество принялъ рапортъ и тотчасъ-же тронулся дальше. До Хунзаха всего верстъ двѣ, но уже темно совсѣмъ; пришлось зажечь факелы и черезъ четверть часа весь нашъ многочисленный поѣздъ при яркомъ свѣтѣ факеловъ и при звукахъ марша изъ Аиды (это въ центрѣ-то нагорнаго Дагестана!) торжественно въѣхалъ въ Хунзахъ; выстроившіеся вдоль зданія школы дюжины двѣ мальчиковъ усердно кричали ура. Было 6½ час. вечера; оказалось, что мы пробыли въ сѣдлѣ около 5½ часовъ. Большого утомленія впрочемъ никто

не чувствовалъ, но всѣмъ хотѣлось ужасно. Мы тотчасъ-же стали обѣдать; на стѣнѣ противъ входа въ столовую красовался освѣщенный изнутри щитъ съ вензелевымъ изображеніемъ Великаго Князя, а въ открытыя окна виднѣлись огоньки аула и безчисленные костры, горѣвшіе по окружающимъ горамъ. Отобѣдавши, побыли еще немного на воздухѣ и вскорѣ отправились на покой; спали такъ крѣпко, что не слышали поднявшейся ночью страшной силы вѣтра, стихнувшаго лишь къ разсвѣту.

Письмо 8е.

Мѣстность, среди которой расположенъ Хунзахъ, точному описанію не поддается; обширное плоскогорье, совершенно безлѣсное, кое-гдѣ ячменныя поля, уже убранныя, и со всѣхъ сторонъ горы, иныя самыхъ причудливыхъ очертаній. Съ площадки у нашего дома, тотчасъ виднѣется Сѣдло-гора, солдатиками нашими почему-то переименованная въ

Литографія А. Яковсона (В.О. 7 л. № 4).

Чемоданъ-гору; направо на западъ, ближе къ намъ, гора Акаро (по аварски корова), за плоской вершиной которой, наклоненной въ нашу сторону, кромѣ неба ничего не видно. Съ сѣверной стороны плоскогорье замыкается отрогомъ Андійскаго хребта, почти прямолинейнымъ, и лишь на юго-востокѣ раздвинувшіяся надъ русломъ Аварскаго Койсу горы открываютъ видъ на болѣе отдаленныя вершины.

Отведенный намъ домъ Окружного управленія находится на краю аула на пригоркѣ; на небольшой площадкѣ передъ домомъ устроенъ красиво убранный коврами и уставленный диванами шатеръ, служащій намъ гостиною. Внизу, невдалекѣ отъ площадки, группа деревьевъ, около которыхъ расположились лагеремъ милиціонеры, пользуясь протекающимъ тутъ оросительнымъ каналомъ. Самъ аулъ, раскинутый на довольно большомъ пространствѣ и кончающійся у обрыва надъ широкою и глубокою лощиною, куда впадаетъ каскадомъ, вышиною саженъ въ 50, притокъ Аварскаго Койсу – рѣчка Тоботъ, – ничѣмъ особеннымъ не отличается:

старые каменные сакли, стены которых облѣплены просушиваемымъ кизякомъ, узкіе и кривые улицы и совершенное отсутствіе всякой зелени. Красивъ лишь видъ изъ аула на упомянутую лощину, куда сбѣгаютъ каскадами задерживаемые турбинами миніатюрныхъ мельницъ воды оросительныхъ каналовъ и на дно которой пріютился небольшой поселокъ, окруженный садами.

Въ двухъ верстахъ отъ аула, по ту сторону рѣчки Мозота, виднѣются укрѣпленіе и бѣлые одноэтажные дома примыкающаго къ нему посада. Укрѣпленіе, возведенное въ 1863 г., занято 10-мъ кавказскимъ резервнымъ батальономъ (нынѣ переименованнымъ въ 330 полкъ).

Однообразіе мѣстности насъ, впрочемъ, нисколько не тяготило: неизмѣнно лазуревое небо, оживительный, хотя мягкій воздухъ (мы на высотѣ слишкомъ пяти съ половиною тысячъ футъ), открывавшіеся великолѣпные виды во время прогулокъ на окрестные горы — все это дало возможность сохранить о пребываніи въ Хунзахѣ самое пріятное воспоминаніе. По расписанію предполагалось провести въ

Хунзахъ лишь 5 дней и затѣмъ на 10 дней поселиться въ приготовленномъ въ Гунибѣ лагерѣ. Отъ добра добра не ищутъ: во второй половинѣ Сентября погода можетъ сразу испортиться и жить десять дней въ палаткахъ, въ дождливую, быть можетъ, погоду — перспектива несовсѣмъ веселая. А тутъ прекрасное помѣщеніе и воздухъ навѣрно не хуже Гунибскаго. Великій Князь и рѣшилъ сократить пребываніе въ лагерѣ подъ Гунибомъ и остаться здѣсь до 28-го Сентября.

Бывшая резиденція аварскихъ хановъ, Хунзахъ, былъ впервые занятъ русскими войсками въ 1837 г., но въ нашей власти не остался: войска вынуждены были оставить его въ 1843 г., и лишь въ 1859 году, незадолго до окончательнаго покоренія Дагестана, Хунзахъ былъ снова въ нашихъ рукахъ; возстановлено было и аварское ханство, ненадолго, конечно, но какъ-бы въ воздаяніе ханамъ за помощь, которую они намъ оказывали въ борьбѣ съ мюридизмомъ и съ грознымъ его вождемъ, Шамилемъ. Нынѣ ни ханства, ни хановъ

(шамхаловъ) не существуетъ: имѣется лишь аварскій округъ Дагестанской области, съ окружнымъ начальникомъ. Управленіе округомъ несложное, администрація въ рукахъ Окружного Начальника и четырехъ наибовъ (нѣчто вродѣ становыхъ приставовъ) изъ мѣстныхъ жителей. Въ судебномъ отношеніи аварцы подчинены Дагестанскому народному и окружному словесному судамъ; въ послѣднемъ предсѣдательствуетъ Окружный начальникъ, а въ первомъ, мѣстонахожденіе котораго въ Темиръ Ханъ-Шурѣ, одинъ изъ помощниковъ Военнаго Губернатора. Въ своихъ постановленіяхъ суды эти руководятся адатомъ (обычаемъ), попытка кодифицировать который была сдѣлана нынѣшнимъ Губернаторомъ Дагестанской Области, Княземъ Ч., въ бытность его Начальникомъ Даргинскаго Округа; написанная имъ книга служитъ цѣннымъ справочнымъ матеріаломъ для судей.

Про аварцевъ и лезгинъ вообще намъ говорили, что они обладаютъ недюжинными умственными способностями и трудолюбивы; рѣдкіе изъ нихъ не

знают какого-либо ремесла, ко-
торымъ занимаются въ свободное
отъ полевыхъ работъ время. Въ
иныхъ ремеслахъ они достигли
извѣстной степени совершенства,
какъ напр. въ изготовленіи клин-
ковъ, въ выдѣлкѣ серебряныхъ
издѣлій (серебряныя и золотыя
насѣчки по дереву и металлу
особенно имъ удаются), въ изго-
товленіи прочныхъ суконъ, ков-
ровъ и др. Слѣдуетъ при этомъ
замѣтить, что это все самоуч-
ки, ни въ какихъ мастерскихъ
никогда не обучавшіеся, такъ
какъ обычая отдавать дѣтей
на выучку какому-нибудь ре-
меслу у горцевъ не существуетъ.

Въ программу моего крат-
каго повѣствованія о нашей поѣзд-
кѣ не входитъ, впрочемъ, описа-
ніе нравовъ, обычаевъ и житей-
ской обстановки лезгинъ: объ
этомъ могутъ писать реляціи
лишь тѣ, кому довелось про-
жить между дагестанскими
горцами. Мое-же сужденіе бы-
ло-бы крайне поверхностно,
такъ какъ мы видѣли лезгинъ
или усердствующими въ качествѣ
нукеровъ, или танцующими
въ праздничныхъ нарядахъ. Точ-
ка зрѣнія довольно узкая, не-
удобство которой сказалось лишь

только пришлось, напримѣръ, сопоставить сожалѣнiе мѣстныхъ властей о крайней бѣдности населенiя, еле-еле выплачивающаго ничтожную подать (около двухъ рублей съ дыма), съ видимыми, какъ намъ казалось, признаками достатка. Развѣ не признакъ достатка лошадь, бараны, мѣдная утварь въ сакляхъ, кинжалъ въ серебряной оправѣ и шелковый платокъ? Два рубля — какiе это деньги по нынѣшнимъ временамъ! Для меня, по крайней мѣрѣ, этотъ вопросъ такъ и остался не разрѣшеннымъ.

Одно кидается въ глаза въ Дагестанѣ, въ этомъ гнѣздѣ мусульманства — это отсутствiе той замкнутости въ общественной и семейной жизни, что тяготѣетъ надъ турецкимъ востокомъ. Мнѣ нерѣдко случалось проѣзжать турецкiя села въ лѣтнюю пору совершенно неожиданно для ихъ жителей, — на улицѣ никогда ни одной женщины: изъ опасенiя наткнуться на проѣзжаго — онѣ избѣгаютъ выходить за калитку дома. Въ поле онѣ также не работаютъ. Здѣсь наоборотъ: идешь по аулу и видишь какъ лезгинки мѣсятъ навозъ для

кизека, щелкаетъ зерно, или спо-
койно сидѣтъ на террасѣ сакли;
вообще появленіе незнакомаго
мужчины ихъ только, быть мо-
жетъ, въ первую минуту нѣ-
сколько сконфузитъ, но никакого
переполоха не произведетъ. А
здѣшніе мусульмане — тѣ-же
сунниты, какъ и въ Турціи.
О танцахъ, любимомъ удоволь-
ствіи Дагестанскихъ горцевъ,
воинственнаго и подвижнаго
племени, и говорить нечего:
турки-же считаютъ для себя
унизительнымъ подобнаго рода
занятіе. Любимымъ развлече-
ніемъ почтенныхъ служитъ си-
дѣніе въ обществѣ однихъ муже-
чинъ, за нескончаемыми чаш-
ками кофе и слушаніе разска-
зовъ, большею частію нецензур-
наго свойства, карагёза, шута,
одною изъ обыденныхъ темъ та-
кихъ разсказовъ служатъ всякія
приключенія гяуровъ.

За время 11 дневнаго пре-
бываніе нашего въ Хунзахѣ
мы нѣсколько разъ ѣздили вер-
хомъ на окрестныя горы, от-
куда любовались открывав-
шимися великолѣпными ви-
дами. Особенно красивъ и об-
ширенъ видъ съ плоской вер-
шины горы Акаро, описанной

съ южной стороны крутыми обрывами, спускающимися до самого русла Аварскаго Кой-су, за которымъ, безконечными планами, надвигаются гряды возвышенностей самыхъ разнообразныхъ очертаній. Вершина Акаро лежитъ на 1000 футъ выше нашего дома (абсолютная высота Хунзаха — около 5500 футъ надъ уровнемъ моря), а съ нея все хунзахское плоскогорье, тянущееся съ сѣверо-запада на юго-востокъ, на протяженіи около 25 верстъ, — видно какъ на ладони.

Такія поѣздки обыкновенно соединялись съ походнымъ завтракомъ, въ которомъ главную роль игралъ бараній шашлыкъ, изготовляемый во всемъ Дагестанѣ съ удивительнымъ искусствомъ. Завтракали, сидя на разстилавшихся буркахъ, на самомъ солнопекѣ, что нисколько не умаляло аппетита и не препятствовало любителямъ послѣполуденныхъ возлежаній тутъ-же крѣпко соснуть, прикрывъ лишь лицо платкомъ или салфеткою.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, послѣ завтрака, приготовленнаго распоряженіемъ мѣстнаго начальства въ центрѣ обширной площадки, на которой перво-

начально предполагалось разбить лагерь (вмѣсто отвода намъ помѣщеніе въ домъ окружнаго правленія), молодежь аула Хунзаха устроила различные состязанія: скачки на лошадяхъ, на ослахъ и бѣгами взапуски. Побѣдители были вознаграждены призами, состоявшими изъ серебряныхъ часовъ, ружей и денегъ, которые получали непосредственно отъ Великаго Князя. Состязаніе закончилось джигитовкой нижнихъ чиновъ Дагестанскаго полка, не оправдавшею впрочемъ нашихъ ожиданій: насколько люди ловки и смѣлы, настолько кони ихъ, непривычные къ скачкѣ на прямую и довольно значительную дистанцію по совершенно ровной мѣстности, были неудовлетворительны. Сплошь да рядомъ они останавливались, какъ только сѣдокъ соскакивалъ на землю; большинство пріемовъ джигитовки, такимъ образомъ, не удалось.

Не лишена интереса исторія возникновенія этого полка. Въ 1836г. 30 аварскихъ семей, особенно тяготившихся властью Шамиля, ушли отъ него въ Т. Х. Шуру и образовали отдѣльную команду,

которая участвовала во всѣхъ войнахъ и была злѣйшимъ врагомъ Шамиля. Въ 1844 г. Императоръ Николай повелѣлъ образовать изъ нее дивизіонъ и причесть въ ряды иррегулярныхъ войскъ.

Въ 1861 году, по повелѣнію Императора Александра, дивизіонъ былъ преобразованъ уже въ шестисотенный полкъ. Всѣ нижніе чины — горцы Дагестана, служащіе по вольному найму, командиръ полка — осетинъ, полковникъ Кусовъ, музыканты также все лезгины, одинъ капельмейстеръ не изъ мусульманъ, а изъ тевтоновъ, нѣкій Зауеръ, волею судебъ вынужденный облачиться въ старую черкеску, надѣвать огромную бѣлую папаху и носить за поясомъ кинжалъ. Русскому языку онъ научился въ Петербургѣ, въ бытность первымъ корнетистомъ пожарнаго хора; но здѣсь эти познанія ему мало помогаютъ и, по его признанію, разучиваніе музыкальныхъ пьесъ стоитъ большихъ усилій.

За все время стоянки нашей въ Хунзахѣ мы слушали полковую музыку два раза въ день, за завтракомъ и за обѣдомъ; играютъ дале-

станцы весьма порядочно, но
программа исполнявшихся ими
номеровъ несомненно велика. Си-
дя рядомъ за столомъ, О. и я,
въ качествѣ музыкантовъ, ког-
да-то трудившихся въ люби-
тельскомъ оркестрѣ, слушали
вначалѣ со вниманіемъ гре-
мѣвшую подъ окнами музы-
ку и обмѣнивались впечатлѣ-
ніями, подчеркивая ихъ жеста-
ми, а порою — контрабандою
подъ шумъ общаго говора, лег-
кимъ отрывочнымъ подпѣва-
ніемъ. „Спутники" втихомолку
и небезосновательно подсмѣи-
вались надъ сидѣвшими на
краю стола двумя занят-
ными музыкантами, ожив-
ленно и радостно жестикули-
ровавшими при одновремен-
номъ обнаруженіи какого-ни-
будь недочета въ исполненіи
хора дагестанскихъ труба-
чей.

Въ тѣ дни, когда никакихъ
поѣздокъ не было къ вящему удо-
вольствію нашего гофмаршала М.,
сидѣли спокойно дома, кто въ
шатрѣ, кто въ своей комнатѣ,
совмѣстно читали газеты, пи-
сали письма и т. п. Великій
Князь игралъ въ винтъ съ обыч-
ными Его Высочества во время

путешествіе партнерами, ко-
торыми были докторъ Д., Х.,
или В. и адъютантъ главно-
начальствующаго Штабсъ-Ка-
питанъ М. По вечерамъ, нѣ-
сколько разъ, въ промежуткѣ
между обѣдомъ и заканчивав-
шею день игрою въ лу, на
площадкѣ передъ домомъ уст-
раивались при освѣщеніи фа-
келовъ танцы селенъ, какъ я
уже говорилъ, страстныхъ лю-
бителей этого развлеченія. Впро-
чемъ это уже не имѣло для
насъ прелести новизны, благо-
даря чему звуки немилосердно
пищавшей зурны и гремѣв-
шаго барабана казались намъ
еще рѣзче, къ тому-же тан-
цоры, исключая ловкаго и
изящнаго нукера Османа, и
танцовщицы продѣлывали все
то-же. Однимъ словомъ, краски
блекли, или, говоря обыденною
рѣчью — хорошенькаго понем-
ножку.

Погода стояла неизмѣнно
превосходная; пользуясь ею мы
въ первые-же дни пребыва-
нія въ Хунзахѣ совершили
поѣздки всюду, куда только
стоило и можно было ѣздить.
Попытались даже поохотиться
за куропатками, но неудачно:

угоняться за ними не было возможности. Преслѣдуемые охотниками, онѣ кратчайшимъ путемъ, по которому слѣдовать за ними возможности не представляется, т. е. по воздуху, перебираются съ одного склона какого-либо ущелья на другой, гдѣ спокойно располагаются и стрекочатъ; а охотникамъ приходится догонять ихъ пѣшкомъ, въ обходъ лощины.

Но вотъ пребываніе въ Хунзахѣ близится къ концу. 26 Сентября съѣздили въ укрѣпленіе, гдѣ, послѣ обѣдницы, отслуженной въ залѣ офицерскаго собранія, былъ завтракъ, устроенный офицерами батальона въ небольшомъ садикѣ, расположенномъ на краю посада. Принявъ приглашеніе на этотъ завтракъ отъ офицеровъ Его Высочество пожелалъ съ своей стороны угостить нижнихъ чиновъ батальона; послѣдніе въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ расположились въ томъ-же саду, недалеко отъ нашего стола. Громовое ура раздалось, когда командиръ батальона О., провозгласилъ тостъ за здоровье Великаго Князя и совершенно покрыло слово-

сильную батальонную музыку, испол-
нившую тушъ. Во все время зав-
трака послѣдняя чередовалась съ дву-
мя хорами пѣсенниковъ. Около
двухъ часовъ Великій Князь всталъ
изъ-за стола и вскорѣ отбылъ изъ
укрѣпленія при дружномъ ура
провожавшихъ офицеровъ и сол-
датъ.

Наканунѣ отъѣзда, 27 Сен-
тября, весь день провели дома.
Утромъ отслужили панихиду
по погибшимъ на „Русалкѣ", поль-
зуясь присутствіемъ въ Хунзах-
скомъ укрѣпленіи прибывшаго
изъ Ботлиха священника. Послѣ
завтрака большинство изъ насъ
занималось укладкой, О. и М. —
сводили счеты и отдавали раз-
ныя распоряженія на завтраш-
ній отъѣздъ. Затѣмъ обѣдъ,
мы и послѣдній ночуемъ подъ госте-
пріимнымъ кровомъ хунзахскаго
окружного начальника Кн. В.
Придется-ли кому-либо изъ насъ
снова побывать въ Хунзахѣ?

Письмо 9е.

28го Сентября утромъ мы покинули Хунзахъ. Первыя десять верстъ ѣхали Аварскимъ плоскогорьемъ и часамъ къ десяти добрались до его края откуда начинался длинный, двадцати-верстный спускъ къ построенному на Аварскомъ Койсу Карадахскому мосту. Послѣ краткой остановки, во время которой отстегнули пристяжныхъ, начали спускаться. Дорога трассирована превосходно: безконечные зигзаги, ширина пути сносная и уклоны самые незначительные, такъ что мы все время ѣхали бойкою рысью. Ровно въ 12 часовъ мы были у моста, гдѣ насъ ожидалъ Начальникъ Гунибскаго округа, полковникъ Чилеевъ, и сотни три всадниковъ, по цвѣтамъ черкесокъ и башлыковъ раздѣленныхъ на три группы. Затѣмъ обычная обстановка нашихъ приваловъ: убранный коврами и зеленью навѣсъ, обильный завтракъ, съ неизбѣжнымъ на этотъ разъ меню, въ которомъ трюфели играли выдающуюся роль. Если я упомянулъ о трюфеляхъ, то лишь потому,

что наши воспоминанія о пребываніи въ Гунибскомъ округѣ связаны съ воспоминаніями о разныхъ великолѣпіяхъ, въ программу нашего путешествія невходившихъ и которыхъ прозрѣніе служили лишь предвкусіемъ. – Но объ этомъ послѣ. Позавтракали и пустились въ дальнѣйшій путь; коляски были отправлены колесною дорогою, мы же разсѣлись верхомъ и, миновавъ укрѣпленіе, построенное у самаго моста на лѣвомъ берегу быстро крутящейся въ каменномъ руслѣ рѣки, направились кратчайшимъ путемъ, т. е. черезъ сланцевое ущелье. Отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, Великій Князь остановился, чтобы еще разъ попрощаться съ построившимися вдоль дороги хунзахцами; остановились и мы въ ожиданіи пока Его Высочество тронется дальше. Но тутъ случилось необычайное происшествіе: отдѣлившійся передъ тѣмъ отъ нашей группы для фотографированія М. вдругъ взмахнулъ нагайкой и стрѣлой полетѣлъ по дорогѣ впередъ, сопутствуемый нукеромъ, держащимъ фотографическій аппаратъ. Нашъ степенный Николай Владиміровичъ джигитуетъ! Или его конь понесъ? „Полный рамолиментъ!" хладнокровно замѣтилъ

нымъ подпрапорщикомъ. Думаемъ — вотъ
М. сейчасъ остановится: ничуть не-
бывало! сидя на бѣломъ конѣ онъ ска-
четъ, не смущаясь ни уклонами, ни
поворотами дороги, и быстро исче-
заетъ за пригоркомъ. Черезъ полча-
са, остановившись уже за станице-
ю [illegible] увидѣли, мы его находимъ
въ [illegible], гдѣ насъ ожидалъ чай.
Оказалось, что онъ насъ догонялъ!
Ему почему-то представилось, что
мы пораньше отъѣхали впередъ
Такъ онъ не видѣлъ ни Великаго
Князя, ни насъ всѣхъ (въ общей слож-
ности насъ было съ нукерами око-
ло 300 всадниковъ) — такъ [illegible]
и остался. Если-же это было
дѣйствительно проявленіе того
состоянія, на которое указалъ
М., то Николай Владиміровичъ
могъ утѣшиться вскорѣ послѣ
того: нѣсколько дней спустя, когда
мы оставили Дагестанъ, многіе
„спутники", въ числѣ которыхъ
М. заняли вмѣстѣ съ О. и его
[illegible] эти строки не пос-
лѣднее мѣсто, обнаружили столь
рѣзкія признаки раздраженія,
что по сравненію съ послѣдними
недоразумѣніе, жертвою кото-
раго былъ М., можно считать
строго логическимъ явленіемъ.

Ущелье, черезъ которое мы
проѣхали (названное станице-

былъ вслѣдствіе нахожденія по-
близости залежей горючаго слан-
ца), тянется приблизительно
на четыре версты. Это просто
громадная трещина, на днѣ ко-
торой протекаетъ ручеекъ, пре-
вращающійся во время дождя
въ бурный потокъ; быть захва-
ченнымъ такимъ потокомъ —
гибель несомнѣнная, но мы этого
опасенія не имѣемъ: погода ясная,
подъ ногами нашихъ коней едва
замѣтная струйка воды и мы
спокойно любуемся необыкновен-
нымъ зрѣлищемъ двухъ отвѣс-
ныхъ скалъ, вышиною въ нѣсколько
десятковъ саженъ, внизу образую-
щихъ сводъ, а наверху разъединен-
ныхъ узенькою полоскою неба; въ
нѣкоторыхъ мѣстахъ полоска
прервана громадными обломками
камней, свалившихся на щель
съ сосѣднихъ горъ. Какъ разъ про-
тивъ выхода изъ ущелья выстроенъ
былъ навѣсъ, въ которомъ мы
напились чаю и оттуда смо-
трѣли какъ двое стрѣлковъ,
карабкаясь по жердочкамъ, при-
крѣпленнымъ на значительной
высотѣ вдоль образующихъ ущелье
и совершенно отвѣсныхъ въ этомъ
мѣстѣ скалъ, доставали мёдъ
дикихъ пчелъ. — Мёдъ этотъ
нами потомъ былъ угощаемъ въ

тарелкахъ, мы его пробовали, но ѣдъ сомнѣніе закралось въ нашу душу и, не отрицая чудесъ смѣлости и ловкости, проявленныхъ лазившими по жердямъ лезгинами, мы лишь усомнились въ томъ, что поданный мёдъ былъ именно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ мелькали цѣплявшіеся за жерди человѣческія фигуры, а не заготовленъ предварительно стараніями все предусматривающаго начальства. Напились чаю и тронулись далѣе. Узкая горная дорога шла все вверхъ, то по лѣвому, то по правому склону ущелья, выбравшись изъ котораго, мы начали круто спускаться къ расположеннымъ у подножія Гунибской горы съ восточной стороны ауламъ Хотачъ и Хиндахъ. Вскорѣ мы миновали оба аула и снова начали подыматься. Оставивъ Гунибское мостовое укрѣпленіе (у р. Кара-Койсу) влѣво отъ себя, мы выѣхали на шоссейную дорогу, ведущую отъ этого укрѣпленія въ самый Гунибъ. Нѣсколько поворотовъ по этой дорогѣ — и мы подъѣзжаемъ къ воротамъ Нижняго Гуниба. Часовой, молоденькій и маленькій солдатикъ, такъ и пожираетъ глазами Великаго Князя. Вотъ и посадъ-

обширная площадка, окруженная одноэтажными бѣлыми домами, церковь, у ограды ея каменный памятникъ, вокругъ котораго симметрично сложены отобранныя у Шамиля пушки, гауптвахта. Въ сторонѣ отъ посада, на самомъ краю крутого обрыва, домъ окружного управленія. Не останавливаясь минуемъ площадку и подымаемся черезъ укрѣпленіе къ выходу; вдоль замыкающей площадь нижняго Гуниба отвѣсной скалы ѣдемъ по кривому деревянному мосту, построенному на высокихъ каменныхъ устояхъ, и черезъ нѣсколько минутъ Гунибъ уже позади насъ. До лагеря остается верстъ шесть; ѣдемъ рысцой вдоль русла небольшого ручейка, затѣмъ забираемъ вправо по извилистой и крутой дорогѣ и около 6 час. вечера въѣзжаемъ въ лагерь, разбитый на площадкѣ у самаго края восточнаго склона горы.

Начинало уже смеркаться, когда мы слѣзли съ коней, но опытный глазъ „спутниковъ" быстро усмотрѣлъ, что въ отношеніи помѣщенія здѣсь ожидается благодать. Достатные, крытые коврами матрацы, об-

широкіе камины, павильоны, изъ камней сложенныя кухни и цѣлый рядъ остальныхъ палатокъ. Утомленный напрасными поисками Владиміръ Казиміръ, войдя въ приготовленный ему на пути Чайного волшебный замокъ, былъ не меньше пораженъ, чѣмъ мы при осмотрѣ подробностей обстановки ожидавшаго насъ жилья. Желѣзныя кровати, мягкіе матрацы, стеганныя ватныя одѣяла, столы, стулья, канделябры — однимъ словомъ всякій комфортъ, какой только можетъ дать лагерь. Многіе изъ насъ собирались уже громко весело выразить свой восторгъ, но тутъ послышались охлаждающія этотъ восторгъ негодующіе возгласы „зачѣмъ, къ чему, кто просилъ?!" перекрещивавшіеся съ рѣзкими „не мы, не мы, это все они!" Исторія въ родѣ „Омской", подумали мы и предались соотвѣтствующимъ разсужденіямъ; но разсуждали недолго: отобѣдавъ въ обширномъ и отлично-убранномъ навѣсѣ, мы скоро, безъ всякихъ разсужденій и лишь съ удовольствіемъ, вытянулись на мягкихъ матрацахъ подъ стеганными одѣялами.

Гора Гунибъ (по аварски Гуни-меэръ, что значитъ стогъ-гора) стоитъ отдѣльно въ группѣ окрестныхъ возвышенностей. Она имѣетъ видъ усѣченнаго конуса; скаты ея чрезвычайно круты, мѣстами подымающіеся на-верху и далѣе, оканчиваясь отвѣсными каменными поясами въ нѣсколько десятковъ саженъ вышины. Этимъ поясомъ окружена вся верхняя площадь горы, богатая цѣнными въ Дагестанѣ угодьями, лугами, водою и даже лѣсомъ, попадающимся отдѣльными рощами.

30го Сентября мы отправились верхомъ на эту площадь, высшая точка которой лежитъ на 7718 ф. надъ уровнемъ моря. Подымались сначала каменистой дорогой, а затѣмъ лугами, около двухъ часовъ; завтракали какъ разъ около того уступа, считавшагося неприступнымъ, по которому взобрались апшеронцы, своимъ беззвучнымъ подъемомъ, совершенно смутившимъ защитниковъ Гуниба, облегчившіе занятіе русскими войсками послѣдняго убѣжища Шамиля. Глядя сверху на почти отвѣсные три скалистыхъ обрыва, по которымъ они, одинъ

за единицъ, карабкаясь на встрѣчу всякимъ случайностямъ, изъ которыхъ получить пулю въ лобъ — наименѣе страшное, — остается только преклониться предъ беззавѣтною храбростью и высокимъ сознаніемъ долга русскаго воина, солдата и офицера. На описываемомъ мѣстѣ воздвигается въ настоящее время небольшой каменный памятникъ, на которомъ предположено сдѣлать надпись, вкратцѣ повѣствующую о событіи, и высѣчь имена отличившихся апшеронцевъ.

Въ Іюнѣ 1859 года, послѣ паденія Ведено и занятія нашими войсками всей Чечни, рѣшено было нанести окончательный ударъ Шамилю и двинуть въ нагорный Дагестанъ концентрически три отряда (Чеченскій съ запада, Дагестанскій — съ востока и Лезгинскій съ юго-запада). Къ 1 Августа наши отряды вступили въ непосредственную между собою связь у Андійскаго Кой-су. Шамиль хотя и имѣлъ на линіи этой рѣки укрѣпленную позицію, но обойденный Дагестанскимъ отрядомъ, бросилъ свои сильные завалы и бѣжалъ

на Гунибъ, гдѣ могъ собрать всего 400 человѣкъ самыхъ фанатическихъ своихъ приверженцевъ, при которыхъ имѣлось 4 орудія. Несмотря на малочисленность защитниковъ, самое положеніе горы дѣлало ее почти неприступною: всѣ пути, ведущіе отъ Гуниба къ Кара-Койсу и въ ближайшіе аулы, были преграждены завалами.

23 Августа было приступлено къ дѣйствіямъ подъ руководствомъ самого Кн. Барятинскаго, назначившаго Генералъ-Маіора Кесслера начальникомъ передовыхъ войскъ. Къ этому времени войска расположились слѣдующимъ образомъ: 2 батальона Ширванскаго полка подъ начальствомъ командира его, Полк. Кононовича, должны были дѣйствовать по восточному скату горы; 2 батальона того-же полка, батальонъ Грузинскаго Гренадерскаго, 2 батальона Самурскаго, 5 сотенъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго и 2 сотни Даргинской конной милиціи подъ начальствомъ Кн. Тарханъ-Моуравова расположились по сѣверному фасу Гуниба-Дага. На южномъ фасѣ находились батальоны 1-го и 4-го Апшеронцевъ, 2 батальона Самурскаго полка и 21-й стрѣлко-

вой, подъ начальствомъ Командира Апшеронскаго полка, полковн. Тергукасова, и, наконецъ, по западному склону стояли 2 батальона Дагестанскаго полка, подъ начальствомъ командира его, полковн. Радецкаго.

Штурмъ назначенъ былъ на 25 Августа и войска начали заготовлять туры, фашины, лѣстницы и крючья. Въ ночь на 24е Августа наши стрѣлки выдвинулись къ восточной сторонѣ горы, а въ слѣдующую ночь войска приблизились къ ея скалистымъ отвѣснымъ обрывамъ. Передъ разсвѣтомъ 25 Августа съ южной стороны подошли 1 батальонъ Апшеронскаго полка и 21 стрѣлковый батальонъ. Тергукасовъ приказалъ командиру 1го батальона, подполк. Егорову, двинуться. Передъ ними возвышалась почти отвѣсная стѣна, состоящая изъ трехъ обрывовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ отъ 8 до 10 саженъ высоты. Считая эти мѣста вполнѣ недоступными, горцы выставили съ этой стороны лишь незначительный караулъ. Апшеронцы, имѣя въ головѣ охот-

никовъ, капитана Сасварцова,
прапорщика Кушнерева и 130
нижнихъ чиновъ, подсаживая
другъ друга и пустивъ въ дѣло
лѣстницы и крючья, въ совер-
шенной тишинѣ стали взби-
раться наверхъ. При подъемѣ
на вторую террасу они были
обнаружены карауломъ, от-
крывшимъ по нимъ огонь, но,
не отвѣчая на выстрѣлы,
взобрались на вершину; къ 6
час. утра тамъ собрался весь
1-й баталіонъ, къ которому вско-
рѣ присоединился и 4-й. Оба они,
подъ начальствомъ Тергукасова
двинулись къ аулу; къ нимъ
примкнулъ и 21 стрѣлковый
баталіонъ, взобравшійся на го-
ру правѣе апшеронцевъ и съ
боя овладѣвшій непріятель-
скими завалами. Одновре-
менно съ этимъ наши вой-
ска поднялись съ сѣвера и съ
запада. Горцы бросили свои
завалы и бѣжали въ аулъ,
куда Шамилю тотчасъ-же
было послано предложеніе
сдаться, чтобы не подвергать
женъ и дѣтей ужасамъ
штурма. Послѣ переговоро-
ровъ, длившихся два часа, Ша-
миль явился къ Кн. Баря-
тинскому съ полною покор-

ностью. Послѣдній принялъ его, сидя на камнѣ въ исторической нынѣ Березовой рощѣ.

Надъ этимъ камнемъ сооруженъ кіоскъ, на освященіи котораго мы присутствовали 1-го Октября, наканунѣ отъѣзда нашего изъ Гуниба.

Отъ аула, расположеннаго въ котловинѣ, неподалеку отъ рощи, остались лишь развалины: по взятіи въ плѣнъ Шамиля и уводѣ жителей онъ былъ тотчасъ-же преданъ огню.

Нѣкоторые изъ насъ сходили какъ-то на кладбище, находящееся непосредственно у нижняго Гуниба; но увы! ни крестика, ни плиты надъ прахомъ героевъ 25-го Августа не увидѣли, даже не нашли мѣста, гдѣ похоронены храбрецы, сложившіе свои кости въ этотъ знаменательный въ лѣтописяхъ Кавказскаго воинства день!....

Этими, нѣсколько подробными свѣдѣніями о взятіи Гуниба, заимствованными и изъ разсказовъ нашихъ спутниковъ (нѣкоторые изъ нихъ сами принимали участіе въ дѣлѣ 25-го Августа) и изъ дру-

гихъ источниковъ, заимствую повѣствованіе о нашемъ житьѣ въ Гунибскомъ лагерѣ; ущерба отъ этого для интереса настоящаго письма, думаю, не будетъ.

Письмо 10е.

Оставляя 2го Октября Гунибъ мы всѣ ясно чувствовали что странствованіямъ нашимъ по Дагестану наступилъ конецъ. Правда, намъ предстояли ещё двѣ остановки въ Левашахъ и въ Ишкартахъ, но изъ нихъ лишь послѣднюю можно считать стоянкою, такъ какъ лишняя ночевка въ Левашахъ была включена въ маршрутъ лишь по соображеніямъ почтоваго вѣдомства, озабоченнаго своевременнымъ заготовленіемъ лошадей.

Выѣхали мы, по обыкновенію, около 8 часовъ утра и спустились верхомъ до мостового укрѣпленія на Кара-Койсу, гдѣ пересѣли въ подъѣхавшіе одновременно

съ нашими конями. Переправив-
шись на правый берегъ рѣки,
мы поѣхали по ровной до-
рогѣ, почти безъ уклоновъ тя-
нущейся вдоль горнаго склона
довольно высоко надъ русломъ,
до слѣдующаго моста, назы-
ваемаго Георгіевскимъ, или Са-
лтинскимъ. По ту сторону рѣ-
ки видна дорога, или вѣрнѣе,
горная тропа, служившая
прежде единственнымъ пу-
темъ сообщенія между Гуни-
бомъ и низменною, примор-
скою частью сѣверо-восточ-
наго Дагестана. Георгіевскій
мостъ замѣчателенъ тѣмъ,
что построенъ на высотѣ
около 40 саженъ, въ совершен-
но отвѣсной трещинѣ, въ
настилкѣ его прорѣзано
отверстіе, изъ котораго до-
стаютъ воду на веревкѣ.
Въ нагорномъ Дагестанѣ
у всякаго моста имѣется
небольшое укрѣпленіе; за-
нимаемое обыкновенно ро-
тою, смѣняющеюся каждый
годъ; такъ и здѣсь, у Геор-
гіевскаго моста, имѣется
небольшая казарма, непо-
средственно къ нему при-
мыкающая, выведенная изъ
камня и крытая желѣзомъ.

У моста Великій Князь остановился на минуту, принялъ рапортъ ротнаго командира и затѣмъ, не переѣзжая рѣки, мы тронулись дальше, къ Салтинской станціи, гдѣ простояли четверть часа, пока перепрягали лошадей.

Отъ Салтинской станціи дорога идетъ въ гору къ Кутинскому перевалу. Мѣстность безотрадная: со всѣхъ сторонъ уступы и пригорки, ни одного кустика, ни одной травинки!

Голодъ начинаетъ мучить насъ порядочно и мы съ нетерпѣніемъ ждемъ перевала, за которымъ тотчасъ-же, какъ намъ говорили, остановимся для завтрака. Но вотъ и перевалъ! новыя фигуры всадниковъ (мы уже въ Даргинскомъ округѣ), какіе-то домики — а завтрака все нѣтъ! Ѣдемъ дальше; по обѣимъ сторонамъ дороги разстилаются обширныя покатости, покрытыя уже сильно поблекшею луговою растительностью, и видимъ многочисленныя баранты (перегоняемыя на зиму въ низменныя части Дагестана, гдѣ трава держится круглый годъ). Но вотъ, наконецъ, и аулъ

Куна, рѣдкая сакля котораго не окружена садомъ. Завтракаемъ подъ навѣсомъ, убраннымъ коврами, по самой серединѣ аула. Изъ окружающей разряженной толпы выдѣляются танцоры и танцовщицы, запищала зурна, загремѣлъ барабанъ и „пошла писать губернія", какъ говоритъ Чичиковъ. Но намъ уже не до лезгинки — насмотрѣлись! Садимся въ экипажи и спѣшимъ въ Лаваши — домой. Мы, вообще, начинаемъ чувствовать въ дѣлѣ передвиженія порядочную поспѣшность; ничего новаго въ Дагестанѣ мы увидѣть уже не разсчитываемъ и перспектива выбраться изъ здѣшнихъ горъ, въ связи съ прекращеніемъ походной жизни, начинаетъ пріятно намъ улыбаться.

Верстахъ въ 10-ти отъ Куны большой и живописный аулъ Ходжалъ-Махи. Масса садовъ, тщательно воздѣланныя поля, красивыя и большія сакли, изъ которыхъ нѣкоторыя оштукатурены, — всюду видѣнъ достатокъ. Ходжалъ-Махи извѣстенъ своими тонкими сукнами, выдѣлываемыми изъ верблюжьяго пуха.

За ауломъ опять начинается старое каменистое плоскость, чѣмъ ставитъ по дорогѣ столбомъ и мы не безъ удовольствія, немного не доѣзжая аула Лавани, подъѣзжаемъ къ дому Окружного Управленія, обсаженному тополе-выми деревьями.

Вокругъ дома и селенія мѣстность непривлекательна: однообразныя каменистыя поля и совершенное отсутствіе лѣса. Хотя мы изъ горъ выбрались, но находимся еще на значительной высотѣ, около 3700 ф. надъ уровнемъ моря.

Даргинскій округъ населенъ акушинцами, въ началѣ столѣтія (1818) перешедшими подъ русскую державу и съ тѣхъ поръ лишь одинъ разъ возставшими. Они были непримиримыми противниками Шамиля и часто били его войска. Акушинцы хановъ не имѣли; сословій не было и все населеніе, раздѣлившееся на подобіе швейцарской республики, на кантоны, которыхъ было семь, управлялось выборными начальниками, изъ которыхъ одинъ былъ нѣчто въ родѣ президента. Среди Акушинцевъ шаріатъ большой роли не-

играетъ; адатъ имѣетъ преобладающее значеніе. Характеристикой ихъ нравовъ можетъ служить слѣдующій эпизодъ, разсказанный намъ Кн. Ч. Въ 1846 г. Начальникомъ Даргинскаго Округа былъ назначенъ Полковникъ Оленичъ. Казеннаго дома еще не было и Оленичъ, прибывъ на жительство въ село Хаджіе-Акуши, остановился въ домѣ одного богатаго жителя. Родственники кади (президента) составили заговоръ, ночью подкрались къ Оленичу, убили его и перерѣзали его казаковъ. Все это произошло въ отсутствіе хозяина дома. Лишь только послѣдній вернулся, то тотчасъ-же заявилъ, что такого срама,- убійства своего кунака (гостя), перенести не можетъ и тутъ-же, надъ трупомъ Оленича закололъ себя кинжаломъ. Когда прибылъ экстренно вызванный въ Акуши временно-управлявшій Мехтулинскимъ ханствомъ Князь Орбеліани, братъ хозяина обратился къ нему съ вопросомъ: „скажи мнѣ, какъ по Вашему адату? вѣдь и я долженъ себя зарѣзать?" Кн. Орбеліани убѣдилъ его, что этого не нужно. Такая необыкновенная смѣсь звѣрства съ самыми утон-

ченными понятіями о госте-
пріимствѣ!

Во время пребыванія на-
шего въ Лавашахъ погода начала
портиться; тѣмъ не менѣе 3-го
Октября намъ удалось сдѣлать
небольшую прогулку верхомъ въ
сторону къ Ходжалъ-Махи. Въ
небольшомъ ущельѣ около этого
аула массами валяются окаме-
нѣлости ліасовыхъ и мѣло-
выхъ отложеній, сферосидериты
и аммониты, изъ которыхъ по-
слѣдніе попадаются громад-
ныхъ размѣровъ (вѣсомъ свыше
двухъ пудовъ). У самой дороги,
по которой мы ѣхали, поло-
жена найденная при проклад-
кѣ пути окаменѣлая раковина,
двухстворчатая, наподобіе уст-
рицы, вышиною болѣе аршина.
Вообще геологу здѣсь есть чѣмъ
позаниматься, какъ вообще и во
всемъ Дагестанѣ, гдѣ онъ мо-
жетъ найти безчисленные об-
разцы породъ осадочнаго проис-
хожденія, глинистыхъ слан-
цевъ, песчанниковъ и т. п. По-
родъ огненнаго происхожденія,
такъ называемыхъ изверженн-
ныхъ, въ Дагестанѣ почти
нѣтъ.

4-го Октября утромъ, при
сильныхъ порывахъ вѣтра,

[illegible] стоянкѣ ночи и начав-
шагося дождя, мы выѣхали изъ Ле-
вашей. Проѣхавъ аулъ Урма, на-
чали подниматься на перевалъ Акъ-
Яръ (3990 ф.), затѣмъ нѣсколько
спустились и поднялись еще выше,
на перевалъ Кизилъ-Яръ (5480 ф.),
гдѣ завтракали подъ приготов-
леннымъ навѣсомъ. Съ перевала
открывался обширный видъ на
всю низменную часть сѣверо-
восточнаго Дагестана. Завтра-
кали недолго – пока перепрягали
лошадей – и быстро помчались
дальше, спускаясь въ долины и
долины среди зеленѣющихъ луго-
выхъ пространствъ. Воздухъ
сталъ гораздо теплѣе, вѣтеръ
стихъ и солнце ярко освѣщало
разукрашенныя коврами стѣ-
ны сакель ауловъ Б. Дженгутай,
гдѣ мы останавливались для
новой перепряжки. [illegible]
[illegible]; [illegible] аула
(кумыки) пестрой толпой окру-
жили нашу стоянку и пот-
[illegible].
Черезъ четверть часа мы снова
въ колясахъ и въ 4 часа въѣз-
жаемъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру
при трезвонѣ въ соборной ко-
локольни. Изъ собора, гдѣ Ве-
ликаго Князя ожидало Духо-
венство, направились [illegible]

Губернатора Кн. Ч. Въ домѣ такъ хорошо, рѣчь ласковаго хозяина такъ убѣдительна, что Его Величество тутъ-же рѣшаетъ не продолжать сегодня пути до лагеря подъ Чикартами, гдѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, цѣлый день шелъ дождь, а остаться переночевать здѣсь. „Спутники" ликуютъ и быстро разсыпаются по обширнымъ покоямъ губернаторскаго дома.

Обѣдать сѣли въ седьмомъ часу; яствамъ не было конца, музыка Апшеронскаго полка гремѣла подъ окнами столовой и, оцѣнивъ по достоинству отсутствіе походной обстановки, порядочно намъ надоѣвшей, мы пришли въ благодушнѣйшее настроеніе.

Послѣ обѣда поиграли немного въ карты и вскорѣ затѣмъ разбрелись по отведеннымъ намъ комнатамъ, выражая сожалѣніе („человѣкъ никогда вполнѣ не доволенъ"), что лишь одну ночь придется пользоваться такою обстановкою, какъ та, въ которую мы попали. То-ли-бы дѣло пустить лагерь подъ Чикартами по боку и спокойно провести

здѣсь два дня; оставалось только до отъѣзда изъ Дагестана? Но было рѣшительно безразлично, что стоянки подъ Ишкартами не миновали. Отъ этой стоянки, впрочемъ, какъ оказалось впослѣдствіи, только выиграло много.

Немного, любезный другъ, остается повѣствовать о нашихъ дальнѣйшихъ похожденіяхъ. Мы такъ много наѣздились, такъ много всего насмотрѣлись, что воспріимчивость нѣсколько притупилась. Такъ въ самой Темиръ-Ханъ-Шурѣ, главномъ городѣ области, видѣли только розовый соборъ, нѣсколько одноэтажныхъ домовъ, голубыхъ, или свѣтло-зеленыхъ, пару городовыхъ на площади передъ губернаторскимъ домомъ, да нѣсколько извозчиковъ въ рваныхъ кафтанахъ.

Въ лагерѣ подъ Ишкартами сохранились также несложныя впечатлѣнія: страшной туманъ, застилавшій совершенно видъ на всю окружающую мѣстность, насквозь промокшія палатки, въ которыхъ мы молча и нетерпѣливо ожидали дня отъѣзда.

Была устроена облава на кабановъ, но неудачно; мѣстными артиллеристами приготовленъ былъ многоколѣнный фейерверкъ, но даже вечера не дождались и громкій фейерверкъ зажгли въ сырую и туманную погоду и что изъ этого вышло — легко себѣ представить.

Предположено было съѣздить на Боржомскій спускъ, полюбоваться открывающимися видами, но погода была такова, что мы заранѣе знали, что ничего не откроется, а потому и не поѣхали.

Наконецъ, насталъ желанный день отъѣзда. 7-го Октября въ 8 час. утра подаютъ коляски, въ которыхъ мы постоянно размѣщаемся. Съѣхавъ съ пригорка, на которомъ стоитъ лагерь, сдѣлавъ верстъ 15 по холмистой и довольно непривѣтной мѣстности, попадаемъ на почтовую дорогу, ведущую изъ Петровска, черезъ Темиръ-Ханъ-Шуру, въ Терскую область, и часамъ къ 11 подъѣзжаемъ къ станціи Чумашъ.

Здѣсь мы еще въ гостяхъ у Кн. Ч., угощающаго насъ превосходнымъ завтракомъ, послѣ котораго тотчасъ-же пускаемся въ дальнѣйшій путь. Въ Чиръ-Юртѣ переѣзжаемъ Сулакъ и снова попадаемъ въ Терскую область, оставленную нами мѣсяцъ тому назадъ.

Пока перепрягаютъ лошадей прощаемся съ нашими дагестанскими прово-

темени и затемъ „летимъ на почтовыхъ" въ буквальномъ смыслѣ этого выраженія, по направленію къ Хасавъ-Юрту, железно-дорожной станціи, куда должны прибыть къ 6 часамъ вечера и до которой намъ остается до 60 верстъ, правда, ровной и мягкой степной дороги. Погода намъ благопріятствуетъ, ни дождя, ни тумана, и лихіе почтовые кони волокутъ наши коляски со скоростью 16 верстъ въ часъ.

Одна за другой промелькнули станціи Читаюская, Хасавъ-Юртъ, Герзель-аулъ; переезжали въ бродъ безчисленное множество мелководныхъ притоковъ Сунжи и ровно въ 6 часовъ вечера подкатили къ ожидавшему насъ въ поле, немного впереди Хасавъ-Юрта, поезду. Лишь только мы вошли въ вагоны — поездъ тронулся, а мы стали обедать.

Во Владикавказъ прибыли около полуночи и ночевали въ поездѣ. На другой день, после завтрака, выехали по Военно-Грузинской дороге и къ 4 часамъ были на станціи Казбекъ. По расписанію следовало съездить осмотреть Девдоракскій ледникъ, но мы уже размахнулись безъ удержу: какая тутъ еще поездка! если ехать, такъ ехать домой, а не то — спать подъ крышей. Погода, правда, была ненадежная и

ни у кого изъ насъ не было ни малѣйшей охоты попасть подъ дождь.

На станціи, за обѣдомъ, ѣли какіе-то необыкновенные по названію блюда, вродѣ „котлеты де-воле" и „бласе фринсдео минерхъ" (выписано точно изъ меню), посидѣли недолго за картами и отправились на покой.

Утромъ на другой день, 9 Октября, выѣхали дальше, попали подъ снѣгъ на Гудаурскомъ перевалѣ, подъ дождь — когда начали съ него спускаться, и къ 6 часамъ вечера были уже во Мцхетѣ, гдѣ тотчасъ-же сѣли въ ожидавшій насъ поѣздъ.

Ночевали на станціи Михайлово, въ поѣздѣ, который былъ поставленъ на запасный путь.

10го Октября погода испортилась въ конецъ: вѣтеръ, дождь и холодъ. Въ Боржомѣ завтракали у Ихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая, Георгія, Александра и Сергія Михайловичей; въ половинѣ второго выѣхали дальше и въ исходѣ седьмого часа, съ чувствомъ необычайнаго удовольствія подъѣхали къ воротамъ Абасъ-Тумановскаго дворца.

Мы были въ отсутствіи 38 дней и сдѣлали, въ общей сложности, 1483 версты, изъ которыхъ въ экипажѣ 877, верхомъ 189 (не считая поѣздокъ изъ мѣстъ стоянокъ) и по желѣзной дорогѣ 417.

Кончая эти письма, я долженъ просить моихъ спутниковъ не посѣтовать на меня, если порою неточно передалъ событія, какъ мнѣ казалось, весьма мало значительныя и не относящіяся строго ко всѣмъ недочетамъ повѣствованія, единственное цѣль котораго, закрѣпить въ памяти каждаго изъ насъ совмѣстное веселое странствованіе по такимъ краямъ, куда немногимъ удается попасть вообще, не говоря уже о исключительности обстановки, при которой мы совершили наше путешествіе.

Маршрутъ

поѣздки Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Александровича изъ Абастумана.

1893 года.

Мѣсяцы и числа.	Пункты остановокъ и ночлеговъ.	Частныя примѣчанія.
Сентябрь. 2.	Кутаисъ.	Переѣздъ до Кутаиса совершается на наемныхъ лошадяхъ и экипажахъ, заготовляемыхъ непосредственнымъ распоряженіемъ изъ Абастумана.
3.	Тквибули.	Переѣздъ экстреннымъ поѣздомъ желѣзной дороги. [illegible]
4.	Амбролаури.	Переѣзды отъ Тквибули до Пріюта совершаются на наемныхъ экипажахъ и лошадяхъ, заготовляемыхъ по распоряженію изъ Абастумана, при содѣйствіи мѣстныхъ полицейскихъ властей.
5.	Уцеры.	
6.	Пріютъ.	

Мѣсяцъ и число.	Пункты остановокъ и ночлеговъ.	Частныя примѣчанія.
[illegible] 7	п. Св. Николая.	Въ Пріютѣ для переѣзда выставляются двухмѣстныя коляски по распоряженію Начальника Тифлисскаго почтово-телеграфнаго округа, а лошади (молоканскія) и три запряженныхъ фургона для багажа заготовляются распоряженіемъ Начальника Терской области.
8	Даргъ-Кохъ.	Отъ п. Св. Николая до Алагира переѣздъ совершается на тѣхъ же лошадяхъ, экипажахъ и фургонахъ, а въ Алагирѣ должны быть приготовлены, по распоряженію Начальника Терской области, свѣжія почтовыя упряжныя лошади и запряженные фургоны. Изъ Даргъ-Коха выѣздъ въ ночь экстреннымъ поѣздомъ желѣзной дороги.
9	Ведено.	Переѣздъ по желѣзной дорогѣ совершается до Устаръ-Гордоя, съ разсче-

Мѣсяцъ и число	Пункты остановокъ ночлеговъ.	Частныя примѣчанія.
		томъ прибытіе въ этотъ пунктъ около 8 час. утра. Переѣздъ въ Ведено — въ почтовыхъ экипажахъ и на почтовыхъ лошадяхъ, по распоряженію Начальника Владикавказскаго почтово-телеграфнаго округа.
Сентябрь 10.	Въ Эзенъ-амѣ.	Переѣздъ изъ Ведено до Хорочоя и далѣе, пока можно будетъ слѣдовать экипажами, совершается на почтовыхъ. Остальной путь до Эзенъ-ама, если возможно, на наемныхъ экипажахъ и лошадяхъ, въ противномъ же случаѣ, — верхомъ. Наемные экипажи и верховыя лошади заготовляются распоряженіемъ Начальника Терской области. Багажъ перевозится на наемныхъ фургонахъ, или почтовыхъ повозкахъ, или на арбахъ, по ближайшему усмотрѣнію Начальника области. Ночлегъ и стоянка устраиваются по сношенію Начальника Терской област[и]

Мѣсяцы и числа.	Пункты остановокъ и ночлеговъ.	Частныя примѣчанія.
		съ Военнымъ Губернаторомъ Дагестанской области.
Сентябрь 11. 12. 13. 14. 15.	Стоянка у озера Эзеньамъ.	
16.	Ботлихъ.	Переѣзды совершаются на наемныхъ экипажахъ и лошадяхъ, багажъ перевозится на наемныхъ фургонахъ; экипажи, фургоны и лошади заготовляются распоряженіемъ Военнаго Губернатора Дагестанской области.
17	Хунзахъ.	
18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27 28.	Стоянка въ Хунзахѣ.	Во время пребыванія въ Хунзахѣ совершаются поѣздки по окрестностямъ. Для чего должны быть, по распоряженію Военнаго Губернатора Дагестанской области, приготовлены верховыя лошади.
29	Гунибъ.	Переѣздъ совершается на почтовыхъ экипажахъ и лошадяхъ, по распоряженію Начальника Гунибскаго почтово-телеграфнаго отдѣла.

Мѣсяцъ и число.	Пункты остановокъ и ночлеговъ.	Частныя примѣчанія.
Сентябрь 30 Октябрь 1 2 3	Стоянка въ Гунибѣ.	Во время пребыванія въ Гунибѣ совершаются поѣздки верхомъ по окрестностямъ и на гору Шуротдагъ, для чего верховыя лошади должны быть приготовлены по распоряженію Военнаго Губернатора Дагестанской области.
4. 5. 6	Леваши Дневка Ишкарты	Переѣзды совершаются на почтовыхъ экипажахъ и лошадяхъ, заготовляемыхъ по распоряженію Начальника Бакинскаго почтово-телеграфнаго округа.
7.	Дневка.	Поѣздка верхомъ на Каранайскій спускъ. Лошади заготовляются по распоряженію Военнаго Губернатора Дагестанской области.
	Чрезъ 1-0 дней и далѣе. Посадка на желѣзную дорогу.	Переѣздъ на почтовыхъ по распоряженію и соглашенію Начальниковъ Бакинскаго и Владикавказскаго почтово-телеграфныхъ округовъ. Посадка на желѣзную дорогу имѣетъ

Мѣсяцъ и числа	Пункты остановокъ и ночлеговъ.	Частныя примѣчанія.
		произойти въ Кодж-хорскомъ или другомъ пунктѣ, смотря потому, до какого мѣста будетъ доведена желѣзная дорога. По желѣзной дорогѣ переѣздъ экстреннымъ поѣздомъ до Владикавказа ночью.
Октября. 8	Казбекъ.	Выѣздъ изъ Владикавказа на почтовыхъ.
9	Мцхетъ.	Переѣздъ на почтовыхъ. По прибытіи посадка на желѣзную дорогу.
10	Боржомъ. Абастуманъ.	Переѣздъ по желѣзной дорогѣ до Михайлова экстреннымъ поѣздомъ ночью. Далѣе переѣздъ на почтовыхъ.

Общія примѣчанія:

1.) Сопровождаютъ Великаго Князя: Главноначальствующій съ однимъ адъютантомъ, Генералъ-Маіоръ Графъ Олсуфьевъ, Г-нъ Гирсъ, докторъ Давыдовъ,

морскіе офицеры: Азбелевъ, Виренъ, Мышковъ, Траутенбергъ и Хельстремъ; кромѣ того, до Даргъ-Коха сопровождаютъ Полковники Мышкинъ и Горевецкій.

2.) При переѣздахъ обыкновенными дорогами, подъ поѣздъ Его Высочества требуется: семь двухмѣстныхъ экипажей, двѣ перекладныхъ и три фургона для багажа; кромѣ того: одинъ экипажъ для Главноначальствующаго, одинъ для Губернатора и одинъ фургонъ для вещей Главноначальствующаго и Губернатора.

3.) Обязательно сопровождаютъ поѣздъ Великаго Князя по ввѣреннымъ имъ районамъ: Губернаторы, Начальникъ области, Атаманы Отдѣловъ, Уѣздные и Окружные Начальники.

4.) Согласно желанію Его Высочества, на мѣстахъ остановокъ и ночлеговъ ни почетныхъ карауловъ, ни офиціальныхъ встрѣчъ и представленій служащихъ не должно быть.

5.) Ночлеги и стоянки устраиваются по распоряженію мѣстнаго начальства.

Литографія А. Якобсона (В.О. 7 л., № 4).

2007059293